

АЛЕКСЕЙ ПЕХОВ

The book cover features a central illustration of three characters in a fantastical setting. A man in a dark, ornate coat stands in the center, his right arm raised towards a bright, starburst-like magical effect. To his left, a woman in a dark and light blue outfit holds her hands out, with glowing energy emanating from them. To his right, another woman in a white and gold dress is in a dynamic pose, also surrounded by magical light. The background is a vast, golden-hued sky with swirling clouds and a crescent moon. In the foreground, dark, winged creatures are visible on the left, and a large, dark, curved structure, possibly a ship's hull, is on the right. The overall atmosphere is one of epic fantasy and magical action.

ИСКРА И ВЕТЕР

Ветер и искры

Ветер и искры

Алексей Пехов

Искра и ветер

«Автор»

«Автор»

2008

Пехов А. Ю.

Искра и ветер / А. Ю. Пехов — «Автор», «Автор»,
2008 — (Ветер и искры)

ISBN 978-5-9922-1010-1

Когда суровая зима на исходе, южный ветер из-за гор несет на своем хвосте перемены. Но к добру ли? Пламя войны пылает над равнинами и городами севера. Три армии Проклятых рвутся к Корунну. По хребтам заиндевевших гор, сквозь ядовитый туман Оставленных болот, через горький пепел Брагун-Зана, по пустынным красным холмам, мимо выжженных городов и деревень те, кого называют Искателями ветра, должны дойти до последней черты. Им предстоит решить, что важнее в мире Хары – «искра», ветер или, быть может, любовь...

ISBN 978-5-9922-1010-1

© Пехов А. Ю., 2008

© Автор, 2008

© Автор, 2008

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	10
Глава 3	20
Глава 4	23
Глава 5	31
Глава 6	38
Глава 7	46
Глава 8	51
Глава 9	59
Конец ознакомительного фрагмента.	68

Алексей Пехов

Искра и ветер

Не всегда ураган гасит искры. Иногда он может превратить их в пожар.

Глава 1

– Не холодно, красавица? – улыбнувшись, спросил широкоплечий жрец, и его низкий глухой голос эхом загулял по ущелью.

– Немного, – улынулась Альга, стараясь не дрожать уж слишком заметно.

Шубка, купленная в какой-то безымянной лавке по ту сторону Катугских гор, несмотря на свой жалкий вид и кажущуюся тонкость, оказалась на удивление теплой, чего нельзя сказать о сапожках и рукавицах. Пальцы стыли, и девушка очень жалела, что не знает плетений, дарующих тепло.

Брат Лерек посмотрел на спутницу из-под густых, светлых, словно выгоревших на солнце бровей, участливо вздохнул и натянул вожжи:

– Спаси тебя Мелот, дочь моя! Так и заболеть недолго!

Он начал рыться в телеге, перекладывая вещи. Альге пришлось подвинуться к краю, чтобы не быть задавленной ящиком, в котором что-то глухо стукнуло.

– Вот. Держи. Это поможет. – Жрец протянул ей свернутую в тугой валик ослиную шкуру. – В Лоска досталась даром. Думал выбросить, но Мелот остановил мою руку. Как видно – не зря. Укройся. Будет теплее.

– Спасибо.

– Пустяки.

Жрец грузно сел на место, взял вожжи, чмокнул губами:

– Н-но!

Телега вновь тяжело поползла по горному серпантину. Последние несколько наров у Альги все чаще возникало впечатление, что они стоят на одном месте. Путники были в дороге с самого утра, но до сих пор так и не смогли достичь перевала.

Тащивший телегу серый в яблоках мерин еле плелся, ступая медленно и осторожно, часто останавливаясь, чтобы набраться сил.

Но в любом случае это было лучше, чем идти пешком.

– А что бы ты делала, если бы я не поехал? – глухо прогудел брат Лерек.

– Вернулась назад.

– Не уверен, – проворчал он. – Ты упрямая. Это сразу видно. Пошла бы дальше да замерзла где-нибудь.

– Не так уж и холодно.

– По тебе это очень заметно, дочь моя! – рассмеялся жрец. – Ну-ну. Не сердись. Я не хотел тебя обидеть. Просто знай, что пешком до перевала не дойти. Ночь будет холодной. Погода здесь совсем другая. Не как внизу.

Он был прав. На равнинах даже сейчас было сравнительно тепло и все еще шли затяжные дожди. А здесь... На глазах Альги осень превратилась в зиму всего лишь за несколько наров.

– Вы не знаете, как долго нам добираться до крепости?

– Как Мелот распорядится. До темноты не успеем. Наверное, только завтра.

– Тут есть где заночевать?

– Чуть дальше стоит трактир для путников. Будем надеяться, он открыт.

Девушка плотнее завернулась в шкуру. Отвесные горы сжимали поднимающийся к Клыку Грома тракт в тесных объятиях. Серо-коричневые скалы со скудным кустарником, цепляющимся за склоны, оказались засыпаны свежим снегом и вызвали у Ходящей страшное уныние. Она не помнила более тоскливой и однообразной дороги за всю свою жизнь.

Во время подъема им не встретилось больше ни одного человека. Тракт оставался пустым. С севера к Лоска никто не ездил, а последние беженцы из долины прошли еще неделю назад. Остались лишь самые глупые, упрямые, считающие, что их не тронут. И те, кому нечего было терять.

Альга добралась до предгорий слишком поздно, чтобы уйти вместе со всеми. И ей в отличие от обычных людей, которые в большинстве своем действительно совершенно не нужны набаторцам, было чего опасаться. Некроманты не оставляют в покое тех, в чьем сердце горит «искра».

– Откуда ты? С юга? – спросил ее спутник.

От матери-южанки Альга унаследовала прекрасную золотистую кожу и пушистые черные ресницы, поэтому многие думали, что родина девушки возле границ с Маркой.

– Нет, – улыбнулась она. – Я родилась в Корунне.

– А я из Альса.

– Далеко вы забрались.

– Не люблю Набатор. Через месяц южане будут здесь, а я не хочу встречать их в Лоска. Не страшишься путешествовать одна, красавица? Дороги сейчас опасны.

– Я не боюсь людей, – ровным голосом ответила Альга.

Это было правдой. После случившегося в Радужной долине она почти перестала бояться. Во всяком случае, Ходящая пыталась себя в этом убедить хотя бы днем.

– Очень зря. Люди иногда даже хуже мертвецов, что нападают на одиноких путников.

Ходящая вздрогнула, и продолжать разговор ей расхотелось.

Быстро стемнело, и мерин пошел еще медленнее. Было видно, что он страшно устал. В конце концов жрец спрыгнул на землю, взял его под уздцы и повел вперед, бормоча что-то утешительное. Девушка еще какое-то время посидела, затем неохотно выбралась из нагретого гнездышка.

– Перестань. Ты вешишь не больше пушинки!

– Ноги затекли, – солгала она.

Жрец хмыкнул, но больше не стал убеждать вернуться на насиженное место, решив, что она сделает это сама, как только устанет. Альга между тем создала плетение, восстанавливающее лошадиные силы, и нежными, чуткими пальцами коснулась бока животного. Эффект не заставил себя долго ждать.

– Смотри-ка! – ахнул жрец. – У старичка словно второе дыхание открылось! Верно, почувствовал жилье! Спасибо Мелоту!

Девушка улыбнулась про себя и забралась обратно в телегу.

Она немного жалела, что не может подарить такую же бодрость своему спутнику и себе.

Ночь спустилась на горы, не приведя за собой ни месяца, ни звезд. Жрецу и Альге пришлось целый нар ползти вверх в почти кромешной тьме. Когда очередной отрезок пути, повернувшийся под совершенно немыслимым углом, был преодолен, они увидели впереди теплое сияние огня.

– Добрались, – обрадовался Лерек, и девушка через силу улыбнулась в ответ. Страшная усталость сжала ее в крепких, отнюдь не нежных объятиях. Она желала лишь одного – уснуть.

Дорога разошлась в стороны, превратилась в большую каменистую площадку. На ней в окружении нескольких сосен стоял большой дом с заснеженной крышей, тремя сараями, вместительной конюшней и скотным двором.

– Посиди здесь, красавица, – попросил жрец. – Пойду посмотрю, что там к чему.

Он вытащил из-под выюков сучковатую палку, очень похожую на самодельную дубинку, и поймал вопросительный взгляд Альги.

– Так. На всякий случай, – смущенно улыбнулся служитель Мелота.

Ходящая не стала задавать лишних вопросов, но быстро перебрала в уме доступные ей боевые плетения. Лерек тем временем заколотил в дверь, и, к его радости, она довольно быстро распахнулась. Открывший мужчина оказался помощником трактирщика, пригласил войти, кликнул служанку и, пообещав позаботиться о мерине, набросив на плечи тулуп, вышел в ночь.

Трактир оказался большим, чистым, светлым. Возможно, такое впечатление создавалось из-за сосновой, отливающей янтарем древесины, а быть может, потому, что не было посетителей.

Заспанная служанка усадила путников поближе к камину, принесла горячего шафа. Альга отказалась и попросила теплого молока.

– С клиентами, видно, совсем туго, раз они столь проворны, – отметил жрец, осторожно отхлебнув напитка. – Никогда не видел здесь такой пустоты. Обычно свободного места днем с огнем не сыскать, не говоря уже о вечере.

Девушка без раздражения слушала его бесконечную болтовню, истории и воспоминания о прошлых путешествиях, пила молоко и старалась не заснуть. Со двора вернулся помощник трактирщика, сказал, что все сделано. Сам хозяин заведения, тощий, суетливый, но довольный или, во всяком случае, желавший таким казаться, принес гостям по тарелке гречневой каши с утиным мясом, масла, сметаны и кислой моченой ягоды, названия которой ученица Галир не знала.

Трактирщик узнал жреца, душевно с ним поздоровался, лишь мельком посмотрев на его спутницу. Благодаря обычной одежде никто не узнавал в Альге Ходящую, что ее полностью устраивало. Она очень быстро сообразила – оставаться собой слишком опасно. Пускай набаторцы не так близко, но их шпионы повсюду. К тому же среди простого народа было много недовольных тем, как складывается война. В неудачах они винили носителей «искр», и встреча с такими людьми не могла привести ни к чему хорошему.

– Уже три недели почти никого... – рассказывал жрецу хозяин заведения. – Случайные путники вроде вас – не в счет. Выручки нет. Больше себе в убыток. Да и мало кто останавливается. Все спешат к крепости, укрыться за стенами.

– Ворота не заперты?

– Неделю назад еще были открыты. А теперь кто его знает, брат Лерек?

– Сам-то не собираешься уходить?

– А на кого я все это оставляю? – Хозяин тоскливо обвел рукой таверну. – Слишком много сил вложено, чтобы бросать на растерзание воронью.

– Набаторцев не опасаться?

– Нет. Есть и спать всем надо. Думаю, меня не тронут. Хотя и противно мне их будет кормить. Распугали всех клиентов.

Альга неодобрительно нахмурилась. Она не любила людей, которые и нашим готовы услужить, и ваших спать уложить. Но ничего не сказала, лишь сильнее уткнулась носом в тарелку, почувствовав на себе взгляд жреца. Тот, казалось, читал ее мысли.

– Тогда тебе стоит опасаться не южан, а северян. Вернутся наши солдаты – могут и вздернуть за то, что чужакам помогаешь. Быть может, в равнинах на тебя и не обратили бы внимания, но не здесь. Крепость слишком близко. Уходил бы ты лучше. Мелот говорит – негоже держаться за добро, когда оно не приносит тебе ни счастья, ни искупления.

– Мелот, прости меня, далеко. А добро близко. Вот оно. Так что я никуда не пойду. Да и набаторцев, возможно, здесь не будет. Слышал ведь – их интересует Лестница на востоке,

а не Клык на западе. До нас, может, не доберутся. Пойду, посмотрю, что там с вашими комнатами.

– Больше постояльцев нет?

– Один путник. Гонец. Уже спит.

Он ушел, Альга доела кашу, выслушала молитву Лерека и встала из-за стола.

– Спокойной ночи, красавица, – попрощался с ней жрец. – Постарайся выспаться. Завтра надо отправиться пораньше.

Служанка проводила девушку в комнату на втором этаже. Здесь было тепло и очень уютно – в очаге горело пламя, на большой кровати лежала целая гора толстых одеял. Кто-то успел нагреть воды, за что Ходящая была безмерно благодарна. Заперев дверь, она с наслаждением вымылась, забралась под теплые одеяла и, высунув из-под них только нос, свернулась клубочком. Несмотря на страшную усталость, неприятную тяжесть в голове и пульсирующую в мышцах тупую боль, ученица Галир никак не могла заснуть. Она ворочалась с боку на бок, смотрела на тускнеющее в очаге пламя, следила за его отблесками на стенах, видела, как ожидают тени. В какой-то момент со вздохом села на кровати, потом спрыгнула на пол и подкинула в огонь еще несколько поленьев, положив их друг на друга.

Девушка не была готова признаться даже самой себе, что страшится снов. Некоторые из них были незваными гостями, которых оказалось не так-то просто прогнать. В грезах она вновь оказывалась в Радужной долине в тот самый день, когда там появились некроманты.

Ноздри щекотал запах гари, крови и предгрозового воздуха. Ученица Галир слышала крики друзей, таких же перепуганных и бледных, как она сама. Видела людей в белых мантиях, бегущих по пустым запыленным коридорам. Ее Дар чувствовал, как колдуны касаются темной «искры», и это причиняло сильную физическую боль, словно кто-то проводил по костям Альги грубым наждаком.

Каждый раз она слышала голос полной старухи, выискивающей ее цепким взглядом среди заваленной ящиками комнаты:

– Лучше бы тебе выйти самой. И тогда, возможно, я буду добра.

Каждый раз молодой Ходящей приходилось, сцепив зубы, сражаться с отчаянием обреченной кошки. И в каждом сне ей надо было победить женщину с посохом некроманта новым способом, потому что старый больше не действовал.

Альга убивала колдунью раз за разом. Перепробовав десятки вариантов плетений и отвергнув сотни. Порой девушке казалось, что в этих снах она тренируется гораздо больше, чем за все время обучения под началом Старшей наставницы Радужной долины. Попавший в ловушку кошмара мозг создавал безумные плетения, все время совершенствуя их. И, просыпаясь, Альга лишь ошеломленно хлопала глазами.

Большинство из придуманного никогда бы не сработало в реальной жизни или же полностью выжгло ее «искру» – столь мощными были эти плетения. Девушке, всего лишь несколько месяцев назад окончившей школу и ставшей полноправной Ходящей, пока еще не хватало опыта. Некоторые из созданных ею узоров могла воссоздать, возможно, лишь Цейра Асани и ее самые опытные приближенные.

Порой Альге снилось детство, дом в Корунне, отец с матерью, старшая сестра. Все было как прежде – до того, как она попала в Долину. Вот только ее любимый персиковый сад отчего-то оказывался вырублен, а на месте вишневых деревьев росли бесконечно старые каштаны с льдисто-огненными листьями. Девушка не могла отследить тот момент, когда вновь оказывалась в бесконечных коридорах, чувствовала, как от ударов содрогается пол, и слышала за спиной голос с приятным восточным акцентом:

– Лучше бы тебе выйти самой. И тогда, возможно, я буду добра...

Часто, просыпаясь, Ходящая думала о Даге и Мите. Удалось ли им спастись? Она ничего не знала об их судьбе и лишь надеялась, что друзья смогли уцелеть. Два дня Альга пряталась

на окраине города, возле лесопилки, где они договорились встретиться, еще когда их вел Рельт. Но никто так и не пришел.

О госпоже Галир девушка старалась не думать. Ходящая сердцем чувствовала, что учительница погибла.

Больше не в силах ждать друзей, Альга покинула Долину и направилась на запад, к Лоска. Дорога заняла много времени, и ее нельзя было назвать легкой. Когда девушка добралась до города, то узнала, что все Ходящие ушли за Клык Грома. Башня оставила проигранный юг, решив сражаться за север.

Оставаться в Лоска было слишком опасно. Слухи ходили самые разные, в том числе и о том, что несколько полков набаторцев движутся к Устричному морю, чтобы захватить последний южный порт Империи. Альга знала, что болтовне нельзя верить, но не желала рисковать и, покинув город, направилась к горам.

Ходящая не теряла надежды догнать своих.

– Завтра все закончится, – сонно прошептала она. – Завтра я буду не одна.

Через несколько ун она спала, и ей снились пустынные коридоры Радужной долины.

Глава 2

Деликатный стук в дверь разбудил Альгу, и несколько ун ученица Галир не могла понять, где находится.

– Госпожа! – позвала служанка. – Брат Лерек велел вас разбудить. Завтрак уже готов.

– Я не сплю! – ответила та. – Сейчас спущусь!

Быстро одеваясь, девушка гадала, почему сложное плетение, в которое она так бережно и ловко вплатила воздушные нити, не смогло убить сдису на этот раз. Ведь были соблюдены все каноны школы и допущена лишь одна вольность, которая ни в какой мере не должна была повлиять на результат. Но она повлияла. И Альга проиграла.

Уже покинув комнату и спускаясь по лестнице, девушка продолжала размышлять над задачей, чувствуя себя немного глупо. Возможно, ей не стоило так много думать о снах. От этого все равно нет никакого толку, одни переживания.

Лампы в зале все еще горели – бледный рассвет за окном пока не давал достаточно света. За столом кроме Лерека спиной к Альге сидел незнакомец в потрепанном временем плаще гонца с эмблемой в виде сапога и облака.

– Доброе утро, красавица, – поприветствовал девушку жрец. – Садись скорее, еда остывает. Это мастер Матен.

Гонец оказался высоким, статным, улыбчивым молодым человеком. Он счел нужным встать из-за стола и поклониться.

– Очень рад, госпожа...

В его словах звучал вопрос, и девушка ответила:

– Альга.

И тут же увидела, как поднялись светлые брови Лерека. Ей понадобилась уна, чтобы понять, что ему она назвала иное имя. К счастью, жрец промолчал, а Ходящая, сгорая от стыда, обругала себя за излишне болтливый язык. Она еще толком не проснулась, и вот результат – выдала свое имя первому встречному!

Стараясь справиться с неловкостью, девушка налила себе молока, слушая, как молодой гонец рассказывает последние новости:

– Я из Лоска, так что знаю не так много. На юг из наших никто не едет, а те немногие, кто возвращается оттуда, говорят, что все города и деревни в руках набаторцев. Держатся лишь Альсгара да Гаш-шаку, но к ним не пробиться. В лесах полно крестьян. Многие пытаются сопротивляться и бьют южан, но силы неравны.

– Вы направляетесь в Корунн? – поинтересовалась Альга.

– Совершенно верно, госпожа, – улыбнулся Матен. – А вы?

– Она путешествует со мной, – сказал Лерек, прежде чем девушка успела открыть рот. – Отец Альги попросил сопроводить ее до дома тетушки.

– Очень разумная предосторожность, – одобрил гонец, вставая из-за стола. – Тракты нынче недружелюбны к одиночкам. Удачной вам дороги. Возможно, я вас еще нагоню.

– Я думал, вы отправляетесь немедленно, – удивился жрец.

– Нет! – рассмеялся Матен. – Я неправильно выразился. Прежде чем двигаться дальше, мне следует дождаться посыльного с письмом. Он опаздывает.

Прощавшись, молодой человек поднялся наверх, и Альга негромко спросила у жреца:

– Зачем надо было врать?

Он улыбнулся и щелкнул пальцами:

– опередила, красавица. Я хотел спросить то же самое.

Брат Лерек наклонился к ней через стол, дружелюбно улыбнулся и тихо сказал:

– Давай поговорим об этом в пути.

Ходящая с сожалением расставалась с уютной таверной, ей до слез не хотелось продолжать путешествие. Было бы здорово остаться здесь на неделю и хорошенько отоспаться, вместо того чтобы мерзнуть в телеге и бороться с усталостью.

Когда таверна скрылась за поворотом, дорога вновь сузилась и крутым серпантинном начала забираться вверх, к снежным пикам, ярко выделяющимся на фоне чистого неба.

– Нам туда? – после недолгих колебаний спросила Альга.

– Что? – не понял задумавшийся Лерек, затем проследил за ее взглядом. – А-а-а... Нет, красавица. Такая высота нам ни к чему.

– Разве это не Клык Грома?

– Мелот не настолько жесток, чтобы заставлять нас забираться выше неба. Клык во-о-он за теми склонами. Скоро увидишь. Так как тебя на самом деле зовут?

– Альга, – неохотно ответила девушка.

– Очень приятно, красавица. – В его голосе не слышалось ни обиды, ни издевки. – Прячешься от кого-то?

– Нет, – солгала она. – Не прячусь и не бегу.

– Ну тебе виднее, – пожал плечами жрец. – Я направляюсь в Корунн. Если ты туда же, то можем продолжить путь вместе.

– Спасибо, – поблагодарила Ходящая, – но я еще не уверена, куда мне надо.

– Помолись Мелоту, дочь моя. Возможно, он укажет тебе путь. – И вновь в голосе Лерека не было насмешки. Он говорил совершенно серьезно и с искренней заботой. – Не знать своей цели в такие времена – слишком самонадеянно.

Она знала. Следует найти кого-нибудь из Ходящих, рассказать о том, что случилось в Радужной долине, а дальше будет так, как решат старшие.

– Что ты делала на юге?

– Училась. – Ее не раздражали и не тревожили вопросы жреца.

– Грамоте?

– Да. Отец отправил. – И это тоже не было ложью.

– И что? Читать, писать и считать умеешь?! – изумился он.

– Умею.

Лерек посмотрел на нее с уважением:

– Книгу Созидания читала, красавица?

– Конечно. – Альга сдержала улыбку.

– Хорошо. Не все девушки в наше время думают, что им надо уметь читать. Я рад, что ты не из таких. Твои стремления к знаниям достойны уважения, а твой отец умный человек, раз понимает это.

Она не стала говорить, что родители умерли, еще когда она училась на второй ступени, и из родных у нее осталась лишь старшая сестра, о судьбе которой она теперь ничего не знает. На душе тут же сделалось тягостно, и Ходящая, спрятав руки в карманы шубки, принялась следить за дорогой.

На склонах появились запорошенные снегом вековые ели. Многие из них были просто огромными, и Альге при виде их лохматых, колючих лап становилось как будто теплее. Девушка любила эти деревья больше всех других и с самого детства была уверена, что они даже в самые лютые холода будут добры к ней и никогда не дадут в обиду. Глупые сказки, услышанные в детстве, оказалось не так-то просто выбросить из головы.

Мерин шел ходко, славно отдохнув за ночь. Поднявшись еще ярдов на четыреста, спутники увидели, как из-за лесистого склона показался острый краешек скалы. Минок через двадцать дорога сделала очередной поворот, и Клык Грома открылся перед Альгой во всей своей красе.

Пик был приметным, хоть и не столь высоким, как остальные. Без снега. И внешне напоминал волчий клык. Скала оказалась темной, как ночь, словно в вершину ударили сотни молний и камень обуглился.

– Крепость прямо под зубом, – пояснил Лерек. – Ты приехала на юг через Лестницу?

– Нет. Но я была слишком маленькой и почти ничего не помню... Нас кто-то догоняет.

С края склона открывался завораживающий вид на дорогу, которая змейкой поднималась вверх. На третьей от них петле Альга рассмотрела двух всадников. Жрец приподнялся, глянул вниз:

– Скоро нагонят.

– Я так и не спросила у вас, почему вы солгали обо мне.

Жрец нехотя пожал могучими плечами:

– По той же самой причине, что ты не хотела называть свое имя. Обычная осторожность. Хотя, кажется, человек он неплохой. Но всякое случается. Не стоит все выкладывать первому же встречному. Неизвестно, как он использует твои слова. В добро или во зло.

– Что же? Всех людей считать плохими? Разве Мелот этому учит?

– Мелот учит не быть наивными, красавица. Человек может быть хорошим, но, к сожалению, не слишком дальновидным. Порой сказанные слова, которым он не придает значения, могут попасть в уши к дурным людям и быть использованы против тебя. В жизни все бывает. А гонцы... ты же должна знать. Они как сороки. Разносят новости и сплетни на своих хвостах. Попробуй успеи остановить.

Дорога скользнула под двумя каменными арками, созданными самой природой, и прижалась к стене, на которой находилась сторожевая башня. Альга задрала голову и увидела в бойницах какое-то движение.

– Там есть люди?

– Конечно. Это дозорный пункт Клыка Грома. С него тракт просматривается почти на две лиги. При хорошей погоде, разумеется. Так что нас с тобой заметили еще нар назад, если не раньше. Удобное место, сохрани его Мелот.

Альга, услышав совсем близко стук копыт, обернулась. Их нагнали всадники.

– Я же говорил, мы еще встретимся! – приветливо улыбнулся мастер Матен, придерживая горячую лошадь. – Чудесная погода для путешествия!

Его спутник оказался чуть старше гонца. Симпатичное лицо портил широкий шрам на нижней губе. Мужчина посмотрел на девушку – светло-голубые глаза остались холодны, но кивнул он приветливо и почти тут же напомнил мастеру Матену о спешном деле.

Всадники поскакали вперед и быстро скрылись за очередным поворотом.

Мерину потребовался еще нар, прежде чем он вывез телегу на прямую дорогу. Впереди во всей красе показался черный Клык Грома в обрамлении ослепительно-снежной короны пиков.

Деревья остались внизу, уступив место каменистым склонам. Несмотря на скорую зиму, распогодилось, и солнечные лучи грели так, что Альга совсем не мерзла. Жрец мурлыкал под нос какую-то незнакомую песню. Он, как и Ходящая, был рад, что вот-вот окажется за стенами оплота северян, подальше от набаторцев.

Сама цитадель, как и многие творения Скульптора, расположенные в горах, была вплавлена в камень и представляла с ним единое целое. Такая же угольно-черная, грозная и неприступная.

Альга различила три кольца стен, каждое ярдов на пятьдесят выше предыдущего, и множество сторожевых башен. Одна из них, с острым шпилем, сразу же напомнила ей постройки в Радужной долине.

Начались узкие каменные мосты с арочными пролетами и грубыми колоннами, уходящими вниз порой на десятки ярдов. Альга насчитала четыре ущелья, протянувшихся пер-

пендикулярно тракту, которые им пришлось миновать. Внизу бесновались белопенные реки, каскадами срывающиеся с базальтовых утесов. Их гул смахивал на гудение рассерженных шершней.

Крепость выросла в размерах, закрыла собой четверть неба, угрожающе нависла над путниками темной глыбой. Сторожевые башни, казалось, шагнули вперед, и их бойницы пристально изучали чужаков.

Последний мост был подъемным. Под ним зияла пропасть, наполненная острыми гранитными зубьями. Низкие ворота больше походили на какой-то лаз. Не слишком удобно для путников, зато очень надежно при обороне.

Солдаты, стоявшие возле моста, встретили их не приветливо. Не задали никаких вопросов, но были хмуры, встревожены и проводили настороженными, цепкими взглядами.

Въехав во внутренний двор – маленький, тесный и голый, – жрец натянул повод и тихо присвистнул. Альга охнула. Возле стены лежало истыканное арбалетными болтами, окровавленное тело гонца.

– Знакомый? – тут же спросил один из воинов. Судя по нашивкам – старший.

– Видели в дороге, – ровно ответил брат Лерек, стараясь не делать резких движений.

На стенах появились стрелки.

– Что случилось? Почему он убит?! – Альга, не обращая внимания на арбалетчиков, смело прыгнула с телеги.

Командир стражников дернул бровью, услышав в голосе незнакомки гневные и повелительные нотки, но не посчитал нужным что-либо скрывать:

– Шпион Набатора... – и добавил после недолгого раздумья: – Госпожа.

– Отчего такая уверенность?

– Кто вы, чтобы задавать такие вопросы? – нахмурился солдат.

– Одна из тех, что несет свет «искры» в наш мир, – раздался сверху женский голос.

Девушка резко вскинула голову и увидела говорившую в окне второго этажа. На нее смотрела Тирра. Ходящая.

– Рада видеть тебя живой, Альга.

– И я ва... тебя, Тирра.

Она иногда забывала, что больше не ученица.

– Жрец приехал с тобой?

– Да. Я за него ручаюсь.

– Капрал! Негоже держать Ходящую на пороге.

Солдат, красный от волнения, поклонился и приказал поднять решетку:

– Простите, госпожа. Я не знал, с кем говорю.

– Похоже, я тоже, – пробормотал себе под нос брат Лерек, впрочем не выглядящий изумленным.

Прежде чем пройти мимо, Альга спросила:

– С гонцом был еще один мужчина. Где он?

Воины удивленно переглянулись:

– Он был один, госпожа.

– Вы уверены?!

– Да.

Она с изумлением посмотрела на жреца и по его виду убедилась, что спутник Матена ей не приснился.

– В последнее время слишком многие прикрываются гербом сапога и облака. Ведь гонцам всегда открыты дороги и таверны. Да и стража к ним благоволит. Некоторые этим пользуются. –

Тирра отхлебнула горячего шафа и осторожно пристроила чашку на край стола. – У этого даже одежда была настоящей, а не подделкой. Видно, что работа гильдии.

Альга держала свою чашку в руках, грея ладони.

Тирра была на тридцать лет младше, чем Старшая наставница Долины – Галир, но слыла ее самой близкой подругой. Высокая, долговязая, с редкими волосами и глубокими морщинами возле рта, она напоминала старое высохшее дерево, хотя год назад ей исполнилось всего сорок.

– Этот шпион – уже третий за месяц. И я уверена, что они не успокоятся.

– Как вы их узнаете?

– Всего лишь опыт. Ты научишься. Со временем.

Шила, вторая Ходящая Клыка Грома, перестала стучать спицами и подняла на собеседниц светлые глаза. На ее бледном лице, несмотря на то что лето давно закончилось, а солнце перестало быть щедрым, ярко горели крупные конопушки. Миловидная женщина была старше Альги на восемь лет.

Девушка невзлюбила Шилу еще со школы. Какое-то время та преподавала теорию плетений и была слишком требовательна к знаниям учеников. По природе вспыльчивая и упрямая, Альга на дух не переносила эту невысокую зануду, и то и дело они сталкивались лбами. Ученица не желала уступать глупым, как ей казалось, прихотям воспитательницы. И в итоге хорошо потрепала себе нервы и намучилась, сдавая экзамен во время перехода на следующую ступень.

Вся школа вздохнула с облегчением, когда конопатая Ходящая оставила свою должность и уехала на север.

– Мы едва его не упустили, – сказала Шила. – Но он занервничал и попытался убить стражника, который слишком придирчиво выполнял свои обязанности.

Альга вспомнила дружелюбную улыбку гонца и почувствовала внезапную злость:

– Он казался неплохим человеком. Жаль, что я в нем ошиблась.

– Мы все носим маски. – Женщина вновь занялась вязанием. – Тебя никто не винит.

– А сколько их прошло мимо нас, и мы об этом не узнали, – вздохнула Тирра. – По счастью, теперь, когда поток беженцев иссяк, стало гораздо проще. Но мне не нравится, что спутник этого человека пропал. Чую – быть беде.

– Не согласна. – Шила придирчиво изучила петли. – Возможно, пропавший просто оказался умнее и повернул назад.

– Мы не встретили его, – возразила Альга.

– Это ничего не доказывает. Думаю, он не хотел, чтобы его видели. У дороги много камней, за которыми можно спрятаться. Незнакомец, не решившись войти в нашу цитадель, сохранил жизнь. Его более напористый приятель – отправился в Бездну.

– А что, если у него был Дар... Тогда он мог стать незаметным на какое-то время, – задумчиво произнесла Тирра, и обе женщины вопросительно посмотрели на девушку.

– Нет, – без всяких сомнений отмела эту догадку Альга. – У него не было темной «искры». Я бы почувствовала.

– Значит, нам нечего опасаться, – улыбнулась Тирра.

– Я, пожалуй, все же проверю ворота. На всякий случай, – сказала Шила, откладывая пряжу. – И предупрежу капитана крепости. Береженого Мелот хранит.

Ученица Галир мгновенно ощутила волну раздражения, но постаралась остаться спокойной. На этот раз зануда Шила права. Лучше проявить осмотрительность, чем расплачиваться за ошибки, которых легко можно избежать.

Прежде чем уйти, Альга еще минок двадцать говорила с Тиррой о Галир. Ходящая сожалела о гибели подруги, но нисколько не удивлялась тому, что произошло:

– Она знала, на что шла. Поэтому и осталась. Печально, что ей не удалось убедить уйти тех, кто был с ней. Я не слишком любила Алию Макси, у нас были... трения, еще когда мы учились. Но потеря ее «искры» – так не ко времени! Впрочем, как и утрата Гиланы, Луйи и Ильмы.

– Что-нибудь известно об Альсгаре?

– Осада продолжается.

– А Совет?

– Противостоит некромантам. Если я не ошибаюсь в Цейре Асани, то весной, как только в море утихнут шторма, наши сестры попытаются добраться кораблем до Лоска. А если город будет взят, то через Морассию, в Корунн.

– Но ведь тогда Альсгара останется на произвол судьбы!

– Если за защиту города придется заплатить потерей страны, город отправляется в Бездну, – жестко сказала Тирра, и ее брови сошлись у переносицы. – Можно пожертвовать даже десятью Альсгарами, если это поможет нам выиграть войну. Зимой воевать тяжело, набаторцы обязательно застрянут у Лестницы. У нас есть время подготовиться, хотя его и не так много. Главное сражение будет за Корунн. И, надеюсь, нам поможет Мелот и Колос Скульптора. Если только не случится ничего непредвиденного.

Она нахмурилась еще сильнее, и ее губы сжались в тонкую линию.

Попрощавшись, Альга вышла, плотно закрыв за собой дверь. Добралась до лестницы, прорубленной в толще скалы, оказалась в коридоре с ровно горящими факелами и здесь столкнулась с одним из слуг.

Тот с достоинством поклонился и произнес:

– Госпожа, вы просили сообщить, когда ваш спутник соберется в дорогу.

– Хорошо. Ступай.

Пройдя этаж, Альга вышла в галерею второго яруса, опоясывающую большой внутренний двор. Здесь ее окликнули, и, обернувшись, она увидела, что к ней спешит невысокий молодой человек. Черноглазый, черноволосый, со смешной челкой, падающей на брови. Правильное, красивое лицо с волевыми губами и аристократическим носом портил лишь заросший неопрятной щетиной подбородок.

– Не верю своим глазам! Райл! – обрадовалась она. – Какими судьбами?! Я думала, ты в Альсгаре!

– Уже год, как нет, – улыбнулся Огонек, обняв и тут же отпустив ее. Он был старше девушки на два года, но это не помешало им водить дружбу еще в Радужной долине. – Год назад меня отправили на север вместе с Тиррой. Теперь торчу здесь. Очень рад тебя видеть!

– Как ты узнал, что я здесь?

– Встретил Шилу. – Он скривился прямо как в Школе, когда говорил о ней. – Послушай, мне ужасно жаль, что это произошло с Митой и Дагом...

– Постой! Рано их хоронить. Я-то ведь смогла выбраться.

– Ты – особенная, – снова заулыбался Райл, подходя ближе. – Ты им не по зубам.

– Твоя лесь всегда была груба. – Альга, вопреки своему желанию, тоже улыбнулась, легко толкнув его в грудь ладонями и показывая тем самым границу, за которую он не должен заходить. – Я спешу. Давай поговорим чуть позже. Хорошо?

– Конечно! – кивнул Огонек. – Я найду тебя.

– Не сомневаюсь, – сказала девушка и поспешила вниз, совершенно забыв о приличиях и прыгая через несколько ступенек. Она на ходу накрутила на шею шарф, торопливо застегнула шубку и уже спустя две минки оказалась во внутреннем дворе.

– Как пройти к северным воротам? – спросила Альга у одного из солдат.

– Если спешите, то вот через эту калитку, госпожа. Я, с вашего позволения, покажу.

– Спасибо!

Жрец уже собирался уезжать, но, заметив девушку, слез с телеги.

– Я уж думал, что не попрощаемся, кра... госпожа, – поправился он. – Рад, что вы смогли добраться до безопасного места.

– Вы ведь не очень удивились, когда узнали, кто я, брат Лерек.

– Верно, – не стал отрицать он. – Я знал, с кем имею дело, как только встретил вас на дороге.

– Но... как вы догадались? – изумилась она.

Жрец щелкнул пальцами:

– Это тяжело объяснить. Приходит с возрастом, наверное. Я имел дела с Башней и научился отмечать женщин с Даром. У вас другой взгляд. В нем чувствуется «искра». Да и осанка слишком горделивая. Мой вам совет, госпожа. Если хотите, чтобы никто не знал, кто вы, – меняйтесь. Иначе опытный человек легко догадается о том, что вы желаете скрыть. И не всегда он будет настроен к вам по-доброму.

– Спасибо. Я запомню. Но почему вы так быстро нас покидаете? Скоро ночь.

– Не страшно. Через два нара я буду в городе. Мне, если честно, не нравится это место. Я бы вам не советовал задерживаться здесь надолго.

– Есть причины для беспокойства?

– В том то и дело, что нет, – нахмурился жрец. – Просто хочется отсюда уехать. Глупое предчувствие, и только.

Он неловко улыбнулся, а у Альги по спине пробежала череда ледяных мурашек, и на несколько мгновений Клык Грома перестал казаться надежным и безопасным.

– Извините, что напугал вас. Не хотел.

– Все в порядке. – Она уже справилась с собой, в который раз удивляясь, как этот кажущийся простоватым человек легко ее «читает». – Я хочу еще раз сказать вам спасибо за помощь. Без вас я бы пропала.

– Берегите себя, госпожа, и будьте осторожны. Времена сейчас суровые. Надеюсь, мы еще встретимся. Прощайте!

Мерин фыркнул, потянув за собой телегу.

Брат Лерек давно уехал, а Ходящая продолжала стоять на холоде и смотреть на пустую, заносимую снегом дорогу.

Альга резко села на постели, прижав руки к шее. Сердце колотилось как сумасшедшее и едва не выпрыгивало из груди. Ночная рубашка намочла от пота, а пальцы дрожали.

На сей раз ей удалось убить гадину, пусть для этого и пришлось рассчитать многоходовую игру, где одно плетение заставляло срабатывать следующее, порой троясь и на ходу выпуская обманки и пустышки. В итоге у нее получилось отвлечь Белую, смять защиту и победить.

Когда сдиска упала, Альга с победным криком выскочила из-за ящиков, но тут почувствовала, что кто-то еще пробудил темный Дар, и в страхе, что сражение не закончено, проснулась.

– Получилось, заberi меня Бездна! – прошептала она. – Получилось!

Горло пересохло. Очень хотелось пить. Ходящая взяла стоящий на ночном столике графин и слегка трясущейся рукой налила себе воды. Выпила залпом. Затем слезла с кровати, босиком подошла к окну, посмотрела на небо и поняла, что едва минула середина ночи.

Внезапно пальцы обожгло огнем, а кости свело от ноющей боли. Испуганно охнув, девушка бросилась одеваться. Кто-то только что воспользовался темной и светлой «искрой».

Натянув юбку и накинув шаль, Альга выскочила в коридор и, безошибочно определив направление, поспешила к верхним покоям. Коридоры были неприятно-темными, она бежала по ним с гулко стучащим сердцем, вздрагивая от каждой тени и любого подозрительного

шороха. Ходящая больше не чувствовала, чтобы касались Дара, и это пугало ее сильнее, чем если бы сражение продолжалось.

Альга едва сдержалась, чтобы не ударить плетением в двух солдат, появившихся из-за угла и мирно беседующих друг с другом. Усилием воли пригасила «искру» и крикнула им, ошеломленным тем, что удалось увидеть госпожу в столь растрепанном и неподобающем ее положению виде:

– Поднимайте тревогу! В крепости некромант!

Оба ничего не спросили и бросились вниз, гремя по лестнице сапогами. Альга побежала в противоположную сторону и увидела Шилу, такую же всклокоченную, едва одетую и босую, как и она сама.

Быстро посмотрев друг на друга, они одновременно выдохнули:

– Тирра!

И бросились к покоям старшей Ходящей.

Дверь была закрыта, Альга повернула ручку, рванула на себя, и ее спутница тут же швырнула внутрь «Ошеломляющее ослепление», которое должно было надолго парализовать всех, кто находился в комнате. Когда шипение и треск стихли, женщины смело вошли в помещение, удерживая на пальцах боевые плетения.

– Свет, – тихо бросила Шила, осторожно двигаясь вдоль книжного шкафа к разбитому окну, и Альга сдула с ладони ярких серебристых светлячков, которые веселой стайкой закружились под потолком.

Во дворе раздался рев рога. Через несколько ун его басовитый голос потонул в колокольном бое. Но носительницы Дара не надеялись на поднятую тревогу. Солдаты в бою с некромантом не помощники.

Тирра лежала рядом со столом. Ее голова была повернута под неестественным углом, словно женщина решила посмотреть, что находится у нее за спиной. Альга почувствовала, как в животе разбилась ледяная глыба, теперь остужающая ее изнутри. Девушка вспомнила колдунью из своих снов и едва не умерла от страха. Ужас липкими пальцами сжал голову, вынуждая застыть, спутывая мысли, и лишь величайшим усилием воли юная Ходящая смогла убедить себя, что здесь нет не только ее личного кошмара, но и никакого другого некроманта. Иначе бы они уже обнаружили его парализованное тело на полу.

– Убита голыми руками. – Шила склонилась над Тиррой. – Белый где-то недалеко.

– Ушел по коридору? Тогда не мимо нас, а в другую сторону. На самый верх башни.

– Возможно, – задумчиво сказала Шила, все еще продолжая смотреть на мертвую. – Странные отпечатки. Это не человеческие руки.

Альга краем глаза заметила быстрое движение возле окна, развернулась и не мешкая ударила. Но кто бы это ни был, он оказался слишком быстр, и плетение прошло мимо. Единственное, чего добилась Ходящая, – тот, кто хотел броситься на нее, изменил направление и упал сверху на Шилу.

Больше всего это существо напоминало сгусток горячего воздуха. Но как только он обволок жертву, то сгустился и стал человеком.

Враг стоял перед Альгой, держа пленницу перед собой, словно живой щит. Он во всем был человеком, и лишь пальцы на руках больше всего походили на птичьи лапы, заканчивающиеся страшными когтями, которые без труда могли разорвать беззащитную шею заложницы.

Ученица Галир не знала, кто или что перед ней, но бить не спешила, чувствуя, как вспыхнула темная «искра», как Шилу отрезают от Дара и как вокруг пленницы и убийцы разворачивается бледный щит.

Ходящая не могла понять, как раньше она не почувствовала в этом мужчине тьму. Перед ней стоял давешний спутник лжегонца. Господин со шрамом на нижней губе. Он холодно улыбнулся Альге и сказал красивым, спокойным голосом:

– Не делай глупостей, девочка, и все останутся живы.

Страшные когти коснулись кожи, и его жертва едва заметно вздрогнула. Альга увидела, как капелька крови сбегает по шее Шилы.

– Скажи мне, где Целитель, и я уйду, – между тем продолжил мужчина.

Девушка ничем не показала своего удивления странности вопроса и лихорадочно соображала, как потянуть время, одновременно перебирая в голове сотни вариантов плетений, чтобы найти единственно верное, способное помочь Шиле убить мерзкую тварь и спасти им жизни.

– Не понимаю, о чем ты. Отпусти ее!

– Целитель, милочка. – У него был легкий сдисский акцент. Мягкий и почти незаметный для нечуткого уха. – Скажи, где прячется твой друг. Так будет лучше для вас обеих.

Он сжал когти сильнее, и на этот раз пленница не смогла сдержать стонов боли.

– Ты придурок! Целитель в Альсгаре! – прошипела она. – Здесь его нет.

– Я разговариваю не с тобой, девка. – Он встряхнул Шилу, словно волкодав кошку. – В последний раз спрашиваю по-хорошему: где Целитель?

И в это мгновение Альга нашла решение! Именно с помощью его она десять дней назад смогла выиграть схватку с колдуньей в своем Бездна знает каком по счету сне! И девушка стала быстро сплести нужный узор, одновременно говоря:

– Отпусти ее. И я уйду с тобой. Мы поговорим.

– Ты мне не нужна.

Узелок. Еще узелок. Пьяный северный лист, перечеркнуть восходящей росой, связать с началом, замкнуть круг, добавить два отвода для лишнего жара, чтобы тот не разрушил плетение раньше времени. То, что прежде занимало у нее несколько минок, теперь, после тренировок в кошмарах, получалось едва ли не в два удара сердца.

– Хорошо. Я скажу. – Она немного отступила назад, так как незнакомец начал медленно приближаться, толкая впереди себя Ходящую. – Но ты не боишься, что я соврну?

Бездна! Бездна! Бездна! Она может создать плетение, но не в состоянии насытить его должным жаром! Ее «искра» пока еще слишком слаба и неразвита для того, чтобы быть настолько мощной. Что же делать?! Мелот! Что же делать?!

– Я пойму, если ты лжешь.

Риск был огромен, создавать что-то иное бесполезно – оно бы не пробило щит или убило пленницу. И, уже зная, что ничего не получится, девушка все-таки взялась за это безнадежное дело.

– Мое терпение вышло!

Шила захрипела, начала закатывать глаза, и Альга внезапно ощутила, как в нее вливается поток, показавшийся в тот момент просто грандиозным. «Искра» вспыхнула, как никогда раньше, тело затопило жаром. Она увидела, как расширяются холодные глаза врага, и, злорадствуя в душе, ударила, тут же закричав от страшной боли в руках.

С силой отшвырнув пленницу, убийца прыгнул в другую сторону в тот момент, когда поток рубиновой пыли проломил его щит. Мужчина расплылся, превратился в нечто черное, хищное, страшное, в следующее мгновение замерцал... и растворился в воздухе.

По комнате прокатилась волна горячего воздуха, и Альга, несмотря на градом катящиеся слезы, скорректировала направление и ударила вновь. Она услышала у себя над ухом оглушительный вопль, на стену брызнула кровь, раненый противник стал видимым, прыгнул в коридор, едва не сбив человека, стоявшего в дверях, и исчез.

– Ты жива?! – Райл склонился над плачущей от боли девушкой. – Мелот! Что с твоими руками?!

– Шила... Посмотри...

– Держись! – сказал он и устремился к лежащей без движения Ходящей.

Рубиновый песок медленно оседал на пол и мебель. Альга, пошатываясь, подошла к двери и, захлопнув ее, закрыла на засов, но не почувствовала себя в большей безопасности. Ее ногти посинели и уже начали слезать, на пальцах появились волдыри от ожогов. Каждое движение причиняло боль.

– Она жива! – крикнул Райл. – Кровь пустяки. Царапины!

– Что это было?! – Альга уже сидела на коленях перед потерявшей сознание Шилой.

– О каком Целителе шла речь? – в свою очередь спросил Огонек.

– Не знаю. Спасибо, что отдал жар своей «искры». Без тебя бы я не справилась.

Он улыбнулся:

– Ты просто молодец! Я ничего подобного не видел. – Молодой человек, подняв с пола, поднес к глазам рубиновую песчинку. – Эта штука нападает только на тех, кто сотрудничает с Бездной? Кто тебя этому научил?

Девушка лишь покачала головой.

Не время сейчас что-то объяснять. Они по-прежнему в опасности.

А еще юная Ходящая думала, почему спутник гонца не напал на нее по дороге, когда у него была такая возможность, а рискнул влезть в Клык Грома, где несравнимо опаснее.

Глава 3

Проклятое тело преподнесло Тиф очередной «сюрприз» и решило испытать новую хозяйку болезнью.

Последний раз Дочь Ночи хворала Бездна знает сколько веков назад и уже успела напрочь забыть отвратительные ощущения. Она чувствовала себя старой развалиной, по костям которой галопом проскакал кавалерийский полк. Убийца Сориты беспрерывно кашляла и чихала, но это было мелочью по сравнению со страшной ломотой в висках и бесконечным ознобом. Ей хотелось забиться в какую-нибудь нору и умереть там, в покое, тепле и уюте.

Вместо этого приходилось трястись в седле, терпеть порывы ледяного ветра, прятать лицо от ледяных снежинок, делающих кожу на щеках бесчувственной, и проклинать недружелюбные горы, которые вызывали у нее отвращение, с каждым днем все больше и больше превращающееся в ненависть.

Проклятая ползла по долинам и перевалам, жалея себя и едва не плача. Скачущая на Урагане хлюпала носом, надсадно кашляла и продолжала страдать, злясь на никчемную оболочку, неспособную выдержать жалкую болезнь. Она не желала просить помощи у мальчишки-Целителя и лечилась самостоятельно горькой дрянью, выпрошенной у жреца.

Уставшая, раздражительная и резкая в общении Тиа мечтала, чтобы ее оставили в покое. Заматавшись в гору теплых тряпок, она едва держалась в седле, то и дело проваливаясь в тяжелую полудрему.

Ночью Убийца Сориты придвигалась поближе к огню и старалась, чтобы никто не видел, как ее колотит. От сильного озноба к утру мышцы болели так, что ей вновь страшно хотелось плакать, а еще лучше – умереть. Но ни за что не влезать на лошадь и не мучиться следующие нары в бесконечной, утомительной дороге.

Поэтому когда отряд остановился на два дня перед началом серьезного подъема – людям было необходимо время, чтобы привыкнуть к высоте, – Тиф вздохнула с облегчением. Эта передышка дала ей возможность отлежаться и почувствовать себя лучше. Температура спала, горло перестало обжигать болью, вернулся аппетит. Она вновь начала здраво мыслить и могла держать себя в руках, не рыча, словно запертая в клетку львица, на каждую обращенную к ней невинную фразу.

После того как Нэсс убил Рована, отряд без остановок скакал по Лестнице целые сутки. Предупрежденные об опасности разведчиками йе-арре, они успели свернуть в смежный туннель и избежали встречи с большой группой набаторцев, спешивших на юг. Никто их не заметил.

Но творение Кавалара перестало быть безопасным – впереди три дороги сливались в одну и превращались в серпантин ступеней, ведущих к крепости. Продолжить путь по Лестнице незамеченными стало невозможно. Поэтому, миновав центральный хребет, отряд сошел с удобного тракта в одно из узких неприметных ущелий и начал очередной подъем.

Лестница Висельника осталась позади.

Стоило отряду оказаться в диком ущелье, и дорога сразу ухудшилась. Сузилась, превратилась в то и дело обрывающуюся ниточку. Снега было столько, что Роне приходилось расчищать его с помощью «искры». Лошади продвигались вперед с черепашьей скоростью, и в день отряд проходил совсем небольшие расстояния.

За хребтами – горбатыми, острыми, снежными, увитыми венками облаков и закованными в броню льда – начиналось высокогорное плато. Бесконечное, с ребрами каменистых холмов, оно было похоже на крышу мира, где живут самые свирепые ветра. Казалось, еще чуть-чуть – и они оторвут людей от земли, чтобы унести за сотни лиг.

Ледяные порывы стегали путников, словно кнуты палачей, сбивали с ног, и животные, которым тоже приходилось тяжело, отказывались идти. Их морды обматывали тряпками, а затем вели лошадей за собой в поводу.

Тиф, выросшая на юге и обожавшая тепло, словно попала в страшный сон. Другую реальность. Царство мороза, разреженного воздуха, летящих в лицо острых ледяных кристаллов, снега – иногда достигающего пояса, скользкого льда, ненадежных камней и вечных облаков, несущихся с огромной скоростью и падающих на плато, словно паук на муху. Временами из-за них приходилось продвигаться в непроглядной промозглой дымке, и Убийца Сориты едва могла различить лошадь, ведомую впереди идущим воином.

Ночевали, где придется. Отряд выживал лишь благодаря плетениям, дававшим тепло на стоянках.

Тиа часто вспоминала смерть Рована, и это грело ее куда сильнее, чем «искра». В такие минки Проклятая даже радовалась, что оказалась в столь забытых богами местах.

Звезда Хары! Она бы согласилась пройти этот путь снова, даже босой, лишь бы Могильный Червяк умер еще раз!

Замечательная удача, что он оставил Альсгару и направился к Лею. Жаль, что гийяну не встретила еще и Митифа. Вот уж кого следовало отправить вдогонку за Чахоткой. Впрочем, Дочь Ночи тут же себя одергивала. Нечего гневить Бездну. Следует довольствоваться уже тем, что есть, благо этого немало. Черед Серой мышки настанет чуть позже.

Единственное, о чем жалела Тиф, – это о пропавшем потенциале брата Ретара. Его «искра» оказалась погашена мгновенно, и «всплеска» не произошло. Проклятая не смогла собрать силу.

Стрела прикончила скорпиона так, что тот не успел укусить, но вместе с тем не дала Тиа возможности набраться мощи, которая сейчас не была бы лишней. «Искра» Проклятой уже не находилась в столь плачевном состоянии, как раньше, но еще не могла тягаться ни с чьей из уцелевших бывших сообщников.

Тальки ошиблась. Старая ворона без усталости каркала, что чем сильнее Дочь Ночи будет сливаться с новым телом, тем слабее будет ее Дар. Но такого, к счастью для Тиф, не произошло. Наоборот, все стало гораздо лучше, чем в самом начале.

Тиа страшилась участи Гиноры – гибели после того, как погаснет «искра». Или того хуже – жалкого существования до тех пор, пока тело не умрет. Или что исчезнет Дар, и дурак Порк, которого она не сможет контролировать, получит главную роль.

Всю жизнь находиться рядом с полубезумной свиньей! Что может быть отвратительнее?!

О последнем варианте она старалась не думать. Сейчас ее серьезно беспокоило другое – стрелы Серого. Она считала, что наконечник существует в единственном экземпляре и теперь находится в руках Аленари. Но Нэсс смог ее удивить и, словно ярмарочный фокусник, доставший из рукава белого голубя, вытащил из колчана еще одну *настоящую смерть*.

Дочь Ночи сильно интересовало, сколько артефактов спрятано у убийцы в кармане. На них у нее были серьезные планы.

Смерть Проклятого потрясла отряд. Для людей такие, как она, являлись чем-то вроде сказочных чудовищ – вселенским злом, которое невозможно победить. И тут воины собственными глазами увидели, как обычный лучник без всякого видимого труда отправляет в Бездну того, кто был равен богам.

Рован, к всеобщему изумлению, оказался смертен.

Кто бы мог подумать? Трижды ха-ха.

Тогда, столпившись у тела, все потрясенно молчали. Нэсс, отойдя в сторону, сел на заснеженные камни и придирчиво изучал лук, словно сейчас тот был самой важной вещью в мире.

Когда люди наконец поверили в произошедшее, они разразились воплями радости. Кто-то смеялся, кто-то плакал от счастья. Один воин, не удержавшись и дуряя от собственной храб-

рости, пнул убитого. Рыцарь Лартун завладел его мечом и с интересом изучал черный волнистый клинок.

По мнению Тиф, они походили на шайку гиен, понявших, что грозный лев умер.

Затем ей пришлось вытерпеть самое неприятное. Все подряд сочли себя обязанными шарахнуть ее по плечу или по спине и заявить, какой она «мужик». Нэссу досталось не меньше, и он тяготился этим так же, как Проклятая. Гийян в мгновение ока стал героем. Впрочем, и Кальн не остался обделен вниманием и похвалами.

Живр много раз восторженно заявлял всем и каждому, что будет рассказывать об этом наре внукам...

За последующие дни история успела обрасти легендами. Каждый второй в отряде «видел» сияние небес, а говорливый Лук, кажется, «слышал» хрип умирающего Чахотки. Живр – мерзкий, воняющий козлом мужлан – по сотому разу рассказывал, что первым почувствовал дым.

Проклятой было интересно, как поведут себя ее «братишка» и обе «сестрички», когда узнают о столь существенной потере. Этот год стал очень неудачным. Из Шести осталось лишь четверо.

Дочь Ночи понимала, что у Империи появляется все больше и больше шансов выстоять в этой войне или хотя бы затянуть ее на неопределенный срок. Хотя, если быть честной с самой собой, она не верила, что даже теперь Ходящие сумеют противостоять Митифе, Алени и Лею, объединившим силы.

Впрочем, Тиф интересовало совсем другое. Она была рада, что Шен начал учить дуреху Рону. Теперь в Ходящей жили светлая и темная «искры» и, следовательно, ее тело сделалось способно выдержать дух Тиа. «Правда, Целителю совершенно ни к чему догадываться, будто я рассчитываю на это», – частенько повторяла про себя Убийца Сориты. Проклятой казалось, что, несмотря на все неудобства, лишения и трудности, ей все равно сопутствует удача.

Она выживет. И вновь возвысится.

Трижды! Четырежды проклятый Целитель! Иногда ей начинало мерещиться, что тот водит ее за нос. Про Лепестки он врал. Это неоспоримо. Она чувствовала запах обмана, видела, как ложь плещется в его бесстыжих голубых глазах. И мирилась с этим, хоть подобное и было непросто. Если мальчишку убьют...

Впрочем, о чем тут можно говорить? Со смертью Шена она лишится куда более важной вещи, чем творение Кавалара, – потеряет свое будущее.

Однако, судя по всему, пока мальчишка и правда не знал, как переселить ее в другую оболочку. Или же скрывал этот факт гораздо более удачно, чем ложь о Лепестках Пути.

Поэтому Тиф продолжала обучать его, иногда заставляя Рону присоединиться к ним. Девчонке следовало тренироваться, чтобы тело окончательно перестало бояться тьмы, иначе оболочка будет плохо подготовлена вместить дух Убийцы Сориты.

Но радостное событие переселения произойдет не скоро. Поэтому ей следовало продолжать возиться с жертвенным ягненком.

Время у Проклятой еще было.

Глава 4

После того как я убил Рована, все окружающие считали своим долгом уступить мне лучшее место для ночевки и дать побольше жратвы. Даже рыцари теперь слушали, что я говорю. Водер так и вовсе, едва завидев меня, расплывался в счастливой улыбке, словно я подарил ему новенький замок с приличными охотничьими угодами.

Меня это порядком доставало. Быть героем – хуже не придумаешь. Разумеется, я оказал миру услугу. Но вовсе не ради того, чтобы со мной все носились.

Впрочем, на высоте ребята немного поостыли и занялись более насущными делами.

Нам приходилось туго. Еда заканчивалась. От холода спасали только носители «искры». Почти неделю мы ковыляли по плато, и, по-моему, именно так должна была выглядеть Бездна.

Спустившись с высоты перевала, отряд оказался в долинах и теперь медленно продвигался между скованных прозрачным льдом озер. По словам северянина, большая часть пути осталась позади, но шагать в таком темпе до конечной точки нам было еще от трех недель до месяца.

Даже дураку становилось понятно, что добраться до северных предгорий к началу зимы мы никак не успеваем.

– Да какая нам разница?! – услышав мои размышления, заметил Шен на одном из привалов, забирая у меня из рук нож. – Вокруг и так зима. Посмотри, сколько снега.

– Просто ты никогда не был в горах, – сказал Га-нор. – Уже сейчас больше половины троп завалены. До весны пробраться по ним невозможно.

– Зимой снега навалит с вон ту ель, лопни твоя жаба, – включился в разговор Лук, без всякого аппетита грызя холодную, сильно пережаренную полоску мяса. – Если не больше. И лавиной накрыть может. Как ты в ней будешь барахтаться? Нет, зима здесь – это зло. Особенно когда жилье в Бездна знает скольких лигах отсюда.

– До жилья не так далеко, как ты думаешь. – Га-нор, шурясь, посмотрел на вершины. – На Горячей полосе есть несколько хуторов. Но они западнее нашего пути.

– Значит, вновь не видать мне шафа? – опечалился стражник.

– Вряд ли он у них есть. Люди здесь живут дикие. Промышляют охотой и враждуют с чусами. Горцы иногда заходят в эти ущелья.

– Мы не будем сворачивать, – сказал милорд Рандо. – Лишний крюк в пять лиг для нас невозможен. Об остановке в местных поселениях станем думать, если не сможем идти дальше и придется возвращаться.

Неприятность случилась, когда мы миновали последнее из озер, самое маленькое, по форме похожее на баранью голову, и двинулись вдоль скал, обходя стороной неопрятную заснеженную рощу.

Над моей головой сухо треснуло, брызнули мелкие камешки, раздался предупреждающий окрик, и через уну огромная ледяная глыба прилетела откуда-то сверху, рухнув на ехавшего впереди Тиома. Потом посыпался снег, на несколько ун скрывший все от глаз, но и так было понятно, что от болтуна и его лошади осталось лишь мокрое место.

А затем я увидел лежащую на земле Тиф. Вокруг ее головы расплывалось красное пятно. Шен с Роной уже были рядом с Проклятой и склонились над неподвижным телом. Жрец стоял за ними, тихо шепча молитву и явно собираясь отпустить Дочери Ночи грехи, чтобы отправить ее торной дорожкой в Счастливы сады, даже не предполагая, насколько она там никому не нужна.

Га-нор крикнул, что возможен еще обвал, и Рандо немедленно приказал всему отряду быстро ехать вперед. До открытой местности, подальше от скал.

К моему удивлению, голова Убийцы Сориты не превратилась в лепешку. Шен с окровавленными руками мельком взглянул на меня и буркнул:

– Капюшон, шапка и повязка смягчили удар.

– Толку-то? Не жилец, – с сожалением сказал Лук. – Башку ему все равно пробило. Вон как льет. Не остановишь теперь, лопни твоя жаба.

– Проваливай, – без всякой злости велел я стражнику. – Может еще что-нибудь упасть.

– А вы? – Он хотел уйти, но, как и Га-нор, не желал оставлять нас.

– Мы справимся без вас, – сказала Рона. – Вы только мешаете.

Это решило дело, и рыжий вместе с приятелем отправились нагонять отряд.

– Отор, тебя это тоже касается, – заметил я, слезая с седла.

Он посмотрел на меня с иронией:

– Я хотел бы остаться. Возможно, Порку нужно покаяние.

– Вот уж что ему точно не нужно, – хмыкнул я.

– Оставь нас. Пожалуйста, – попросила Рона.

Ходящей жрец возражать не стал и, пробормотав, что помолится за умирающего, ретировался.

Над нами слабо замерцал прозрачный купол – сверху все еще сыпалось мелкое крошево, и Рона попыталась обезопасить нас. Я покосился на огромную глыбу, из-под которой торчали задние ноги раздавленной лошади. Будем надеяться, если на нас рухнет нечто подобное, щит Ходящей выдержит.

Шен возился с раненой. Движения у него были уверенными, но на лице появилось сомнение. Рона молчала, прижимая к ране Тиф рваный кусок ткани. Недалеко от Убийцы Сориты лежал камень величиной с три кулака, который и дал ей по башке. Мне оставалось лишь удивляться, что она все еще дышит.

– Столь нелепая случайность, жалкий булжник отправит Проклятую в могилу? – недоверчиво произнес я.

– Видимо, да, – пробормотал Шен. – Костные осколки проникли в мозг. Все очень плохо. Она протянет лишь около нара, даже если я полностью остановлю кровотечение.

– Провидение наконец-то решило наказать ее за грехи, – сказала Рона.

Эти слова прозвучали без мстительного удовлетворения, но, впрочем, сожаления в них тоже не чувствовалось.

– Вы, ребята, как понимаю, не собираетесь ей особо помогать? – Я покрутил пальцем в воздухе и уточнил персонально для Шена: – Дар Целителя и все такое.

– А ты бы хотел этого? Хотел, чтобы она жила? – без вызова и очень устало спросил он.

Рона, между пальцами которой все еще сочилась кровь, внимательно посмотрела на меня.

– Не слишком, – признался я. – Положа руку на сердце, ей самое место в Бездне. Так что я полностью разделяю ваше мнение в этом вопросе.

– Но?.. – тихо продолжила Ходящая.

– Но вы, как и я, должны понимать, что она нужна нам всем. Вам еще учиться и учиться. Проклятая – единственная из ныне живущих, кто сможет дать вам знание. А это бесценно. К тому же у меня есть и личный интерес – она поможет мне справиться с теми, кто замешан в смерти Лаэн.

Шен мрачно кивнул, признавая правоту моих слов, но по-прежнему колебался. Тогда я привел еще один весомый аргумент:

– К тому же когда тело умрет, неизвестно, что станет с ее духом. Вы двое – отличноеместилище для такой, как она. Что, если Убийца Сориты перепрыгнет в Рону?

– Ерунда. Чтобы переместиться, нужно определенное плетение. Я его не знаю. У нее нет никаких шансов.

– Надо принимать решение, Шен, – тихо сказала Рона. – Ее время на исходе.

– Знаю, – буркнул тот, и вокруг его рук вспыхнуло солнечное сияние. – Знаю. Когда я пожалею об этом, Нэсс, напомни мне, что я просто не хотел, чтобы у меня на руках умирал человек. Даже такой отвратительный, как она.

– Ты все сделал правильно, – сказал я ему вечером.

– Возможно, – неохотно отозвался он. – И я очень надеюсь, нам не придется расплачиваться за то, что оставили ее в живых.

– Время покажет, малыш.

– Может, хватит меня называть малышом?! – окрысился Шен. – Это уже порядком достало!

Я внимательно посмотрел на него, хлопнул по плечу и усмехнулся:

– Рад, что ты вырос.

Он недоверчиво кивнул:

– Ну-ну. В смысле – хорошо. Кстати, давно хотел сказать... – Целитель прочистил горло. – Я горд, что знаю человека, избавившего мир от Чахотки.

– Оставь! – отмахнулся я, сбрасывая с головы капюшон и подставляя лицо морозному ветру. – Давай хотя бы ты не будешь делать из гийяна героя.

– Не каждый осмелится так рискнуть.

– Да не было особого риска. – Я пожал плечами.

– Вот. Держи. – На его облаченной в перчатку руке лежал белый наконечник. – Предпоследний. Вдруг ты еще кого-нибудь из них встретишь.

Я с улыбкой забрал предложенное:

– Не думаю, что мне повезет дважды. Но нашей хорошей знакомой не помешает дополнительный намордник. Как она?

– Без сознания. Кости встали на место, внутренних повреждений, кажется, не осталось, но крови она потеряла достаточно.

– Выживет?

Он хмыкнул:

– Она цепляется за жизнь крепче, чем кошка. Будет в порядке через несколько дней. Главное, чтобы у нее в голове чего-нибудь не шелкнуло. Хуже Проклятой может быть только сумасшедшая Проклятая.

– Если она будет бегать, хохотать и швыряться огненными шариками – я ее пристрелю, – серьезно сказал я.

Он так же серьезно кивнул и ушел к Роне.

На следующий день никаких улучшений в здоровье Убийцы Сориты не произошло. Она все так же находилась в беспамятстве, и у нее началась сильная лихорадка.

Шен хмурился и каждый нар лечил ее золотым светом. В отряде быстро разнеслась весть, что с ними Целитель, а не Огонек, и, похоже, каждый теперь надеялся, что его запросто вылечат от любой хвори, а главное – от ран. Чудесное спасение «Порка» обсуждали все.

Несмотря на состояние Проклятой, мы не могли задерживаться – дорога была каждая минка. С перевозкой, естественно, возникли затруднения. Тропа оказалась слишком узка, чтобы две лошади шли бок о бок, так что положить между ними импровизированные носилки с «больным» не представлялось возможным.

Волокуши тоже отпадали как вариант: тропы слишком неровны и каменисты – того и гляди, конструкция развалится.

Милорд Водер предложил привязать «Огонька» к седлу и считал это единственным разумным вариантом.

Гбабак вызвался нести больного на руках.

Поначалу все отнеслись к предложению блазга с сомнением. Но тот оказался настойчив, а лекарь не возражал – и это решило дело. Квагер без всякого напряжения тащил Убийцу Сориты во время дневных переходов.

Йе-арре стали нашими спасителями в пути и, несмотря на суровый мороз, частенько поднимались в воздух, заранее сообщая нам об обвалах и разрушенных тропах. Благодаря им мы не теряли времени на поиск новых дорог и довольно быстро подошли к Горячей полосе.

Снежные вершины здесь были не ниже венчавших центральный хребет Катугских гор, но в отличие от тех, острых, похожих на клыки, эти оказались покатыми, часто двугорбыми. Говорят, в дни юности Хары эти скалы дышали огнем, как Грох-нер-Тоxx в Брагун-Зане.

Теперь вулканы на Горячей полосе давно остыли, впрочем оставив после себя теплые целебные источники, минеральные озера и кое-где бьющие из-под земли фонтаны крутого кипятка.

Однако за все время, что мы шли по этой земле, наткнуться на подобный источник нам повезло лишь единожды. Разведчики заметили его издалека по белому пару, поднимающемуся над скалами. Я с интересом рассмотрел небольшую неглубокую лужу с желтоватыми камушками на дне и мелкими пузырьками на поверхности. Вода в ней оказалась достаточно горячей и совершенно невкусной. Юми с удовольствием выкупался, пища про собаку, а потом трясся, словно лист на ветру, пока Рона не высушила его теплым ветром своей «искры».

Снега в этой местности было гораздо меньше, и лошади уставали за день не так сильно, как прежде. Йалак, улыбчивый и общительный парень, быстро сдружившийся с Кальном и Луком, вернулся как-то под вечер и с мрачным видом сообщил, что видел Снежный клан в двух ущельях от нас, а вместе с ними – десяток Сжегших душу. Йакар и Йанар, ни слова не говоря, раскрыли крылья и, поймав ветер, поднялись над погруженными в сумерки горами.

– Принесла нелегкая! – пробормотал Водер.

– Что они здесь забыли? – Лартун хмурился.

– Возможно, ищут нас. Смерть Проклятого должна была их разозлить. – Дядя милорда Рандо встал во весь свой высоченный рост. – Нам следует выставить усиленные патрули.

Вернувшись, разведчики сообщили, что враги удалились на восток, не заметив отряд. Но все равно следующие дни мы были настороже, и это принесло свои результаты: летуны обнаружили в четверти лиги от нас большой, хорошо вооруженный отряд набаторцев.

– Около восьмидесяти человек. Следуют тремя группами. По двум ущельям, – докладывал Йанар, тяжело дыша и дуя на замерзшие пальцы. – Идут прямо к нам. У них больше десяти стрелков, не считая арбалетчиков.

– А некроманты есть? – Рона была так же встревожена, как и все остальные.

– Ни одного человека в белой мантии я не увидел.

– Это ничего не значит. – Рандо с досадой ударил кулаком по ладони. – Колдун должен быть! Без него они никогда не выследили бы нас.

– Не обязательно, милорд. – Га-нор щурился от яркого солнца. – Опытный следопыт найдет врагов не хуже. Клянусь Угом. Пусть отпечатки занесло снегом, но сломы на ветках, пеньки от срубленных для костров деревьев остались.

– Похоже, лишившись Чахотки, они действительно очень расстроились. – Кальн сплюнул в снег. – Забраться в такую дыру!..

– Если дело только в Проклятом, – пожал могучими плечами Водер.

– А в чем же еще? Какой Бездны им делать зимой в горах?

Водер хрустнул пальцами и взялся за молот:

– Мы сможем обойти их?

Йе-арре с сомнением покачал головой:

– У каждого южанина запасная лошадь. Менее уставшая, чем наши. И они их лучше кормят. Гонку мы не выиграем.

– Верно, – кивнул сын Ирбиса.

– Га-нор, ты сможешь запутать следы?

– Нет. Снег свежий. И нас слишком много.

– Значит, будем сражаться. – Старый медведь посмотрел на племянника. – Больше ничего не остается.

– Мы поможем! – решительно сказал Шен, и Рона повела плечами, словно озябнув от ветра.

Рандо кивнул, показывая, что принял эти слова к сведению.

– Йанар, вам придется разведать дорогу. Следует найти подходящее место для боя.

– Я знаю такое место. – Га-нор, собравшийся было идти вперед, остановился. – Оно будет через лигу. Вон за той вершиной, прямо над серебряными шахтами. Там два ущелья сходятся в одно и стоит старая крепость вроде той, что мы штурмовали, но больше и в лучшем состоянии. Она перекрывает дорогу к следующему перевалу. Когда-то здесь был пропускной пункт, серебро вывозили на север через нее. Но шахты выработали еще до Скульптора, и, как только Ходящие перестали за ними смотреть, их затопила горячая вода. Теперь ущелья давно одичали, но цитадель осталась.

– Никогда не слышал о ней, – нахмурился Лартун, но в его глазах вспыхнула надежда.

– В горах много заброшенных и никому не нужных укреплений. Что в этих, что в Самшитовых, – сказал я. – Посмотрим, на что годятся старые камни.

Йакар распахнул крылья и улетел в указанном Га-нором направлении. Мы подгоняли лошадей, но это не слишком помогало. Дорога испортилась настолько, что мне стало казаться удивительным, как нас до сих пор не догнали.

Йе-арре вернулся через нар, отправив своих младших родичей следить за южанами.

– Там целый замок, милорд Рандо.

– Ворота целы?

Это был самый главный вопрос.

– Нет, милорд. Петли заржавели. Веревки истлели, одна створка еле держится. Боюсь, сдвинуть их не удастся. Но зато там есть «флейта»¹. И она на цепи, хоть и рыжей от ржавчины.

– Уже что-то. Мост?

– Цельный. Не поднять. Но узкий.

– Отлично.

– Ехать придется всю ночь, – заметил йе-арре.

Рыцарь кивнул:

– Поспешим.

Оба летуна, уставшие, едва ворочающие языками, вернулись лишь через два нара после того, как стемнело. Они долго кружили над самой землей, чтобы отыскать отряд, и едва нашли нас. Если бы не тихое ржание лошади Порка, неизвестно, сколько еще йе-арре мотались бы в воздухе.

Пришлось сделать краткий привал, во время которого Шен лечил братьев от обморожений, полученных на высоте из-за ледяного ветра.

Новости оказались неутешительными.

Набаторцы наступали нам на пятки и находились в трех-четырех нарах позади отряда. Южане взяли след и гнались за отрядом без остановок до тех пор, пока не наступили глубокие сумерки. Еще хуже обстояли дела в ущелье, расположенном параллельно нашему. Набаторцы,

---

¹ **Флейта** – кованая решетка или же полые заостренные трубы, используемые вместо нее. Опускалась после закрытия ворот и использовалась как дополнительное защитное укрепление.

находящиеся там, не собирались останавливаться и пытались обойти нас. Если это произойдет, мы попадем между молотом и наковальней.

Все понимали, что допустить окружения нельзя ни в коем случае. Пришлось бросить кратковременный привал и спешно двинуться вперед.

Ночь оказалась кошмарной. Небо затянули облака, скрыв звезды и луну. Сразу стало темно, словно весь свет пожрал огромный гов. Наша, и так небольшая, скорость совсем упала, и Рона, уставшая оттого, что находилась в седле почти сутки, зажгла шесть маленьких, не больше апельсина, желтых шариков, распределив их по отряду. Они давали очень скудный свет, но этого вполне хватало, чтобы не терять время на поиск тропы.

Пошел снег. Он сыпал, словно горох из горшка с отколотым дном. Люди и лошади выбивались из сил. Рандо носился из начала колонны в конец, подбадривая бойцов. Пытался шутить, получалось неважно, но воинам становилось легче.

За нар до рассвета снегопад усилился, где-то далеко позади сверкнуло, и через несколько ун до нас долетел отдаленный гул.

– Попались, – улыбнулась Ходящая, отвечая на встревоженные взгляды. – Кто-то из них угодил в мою ловушку. А я уж думала, что зря потратила силу.

Едва небо чуть побледнело, йе-арре отправились в полет. Но почти сразу же вернулись – ветер едва не переломал им крылья. К рассвету отряд обогнул отроги горбатого снежного великана, откуда до нашей цели оставалось не больше четверти лиги.

Спрятавшаяся под снегом тропа раздваивалась. Одна ее половина уходила налево, в соседнюю долину. Другая, нужная нам, неожиданно расширялась, превращаясь в некое подобие старой разбитой дороги, и бежала прямо вверх, никуда не сворачивая. Горы впереди сдвигались точно так же, как и возле сторожевой башни на выходе к Лестнице Висельника. Вот только склоны здесь были не такими отвесными.

Милорд Рандо, приложив ладонь козырьком ко лбу, пытался различить крепость, но она была где-то там, за белой пеленой.

Йалак, все-таки решившийся на полет, распростав крылья, упал с небес, и снежинки закрутились вокруг него, а затем бросились врассыпную.

– Они близко! – крикнул летун. – Не больше десяти минок! Торопятся, как только могут!

– Заберрри меня Уг! – зарычал Га-нор.

И началась бешеная скачка.

Все вокруг было белым. И земля, и небо, и горы. Лошади тяжело дышали и довольно скоро перешли с галопа на рысь, а потом на быстрый шаг. Дорога пошла на подъем, изогнулась змейкой, попала на язык ледника. Водер нагнал племянника и крикнул:

– Не успеваем!

– Вижу!

– Кому-то придется их задержать!

Ярдов через сто путь сузился до едва заметной тропы. На краю обрыва стояли плохо обтесанные базальтовые блоки – свидетели постройки серебряных шахт. Где-то внизу непокорно шумела река. Впереди наконец стали различимы очертания крепости.

– Дядя! – Рандо спрыгнул с коня. – Бери отряд – и к замку! Мы постараемся задержать их как можно дольше! Подготовьтесь к обороне! Проверьте ворота!

Я, не ожидая, когда меня назовут, взял из сумки запас стрел, передал лошадь на попечение Живра и начал натягивать тетиву. Двух лучников и пары мечников достаточно, чтобы сдерживать прорвавшихся. Остальные все равно будут лишь мешать. Если йе-арре правы и там полно стрелков, рубаки в слабых латах станут бекасами в поле охоты.

– Я не поведу отряд в крепость, – возразил Водер. – Там нужен ты. И сам это знаешь. Мне лучше остаться здесь, моя броня самая крепкая.

Подумав несколько мгновений, рыцарь неохотно кивнул, и Водер, повеселев, взялся за щит и молот.

– И я остаюсь, – сказал Га-нор.

– Ты хороший боец, – улыбнулся старый медведь. – Буду рад.

В итоге нас стало пятеро. Я, Кальн, милорд Водер, Га-нор и Юми. Зачем вейя напросился – я не слишком понимал, но парень так свирепо кричал о собаке и так грозно скалил зубы, что мы решили с ним не спорить. Он, несомненно, знал, во что ввязывается.

Сдерживать врагов порывались и йе-арре, но никто им не позволил этого. Летуны так же ценны, как и носители Дара. Благодаря их крыльям мы знаем местность, и рисковать жизнями этих ребят – преступление. По той же причине пришлось отказаться от Ходящей с Целителем. Скоро начнется бой под стенами, и помощь их «искры» понадобится там. Однако Рона все равно не удержалась и поставила ловушку, предупредив, чтобы никто из нас не возвращался обратно дальше, чем на двадцать ярдов.

Мы с Кальном забрались на второй ряд огромных базальтовых ступеней. Я – чуть ниже, он – чуть выше, сразу за мной. Впереди, за каменной грядой, спрятались северянин с рыцарем. Они должны были сдержать тех, кто решит до нас дотянуться.

Юми был с ними, но сидел на виду, и по вздыбленной шерсти можно было понять, что сражаться он собрался до конца.

– Вот так, собака!

– Держи. – Я передал Кальну стрелы. – Не трать понапрасну.

У меня осталась всего дюжина в колчане и еще два десятка в тяжелом свертке.

Ветер был скверный. Хотя дул от нас, но казался слишком капризным. Да и начавшийся снегопад ограничивал видимость.

И вновь, так некстати, я вспомнил минку, когда стрелял в Ходящую, а затем – день, когда пахло горькой полынью и нещадно пекло солнце. Тогда мы стояли на флейте Алистана, поджидая набаторских всадников...

История повторяется, только и время, и место другие.

Враги появились из белой круговерти холодных мотыльков, словно призраки. На взмыленных, дышащих паром лошадях. Прижимающиеся к гривам, стремящиеся к цели. Я беззвучно шевелил губами, считая фигурки. Пять, десять, двенадцать, восемнадцать, двадцать четыре.

Приглядевшись к тем, кто скакал впереди, я выругался.

Два лучника, если они, конечно, имеют должный опыт, вполне могут сдерживать и более крупный отряд. Но только в том случае, если у противника нет тяжелых доспехов и присутствует мало-мальское чувство самосохранения. Лат я не заметил, а вот презрения к жизни у этих парней было сколько душе угодно.

– Сдисцы! – сквозь зубы процедил я.

Эти не отступят.

На пределе расстояния для этой погоды я выстрелил, отправляя стрелу по пологой дуге, и она тут же затерялась в круговерти снежинок. Изменив угол наклона, натянул на разрыв, разжал пальцы, посылая следующую...

Рука к колчану на бедре, просчитать путь полета, сделать поправку на ветер, задержать дыхание, напрячь мышцы, рвануть тетиву на себя, а лук от себя, разжать пальцы. Хлесткий удар по защитной перчатке, легкий шелест, и судьба выстрела принадлежит лишь ветру и удаче.

Белое пятно лица, черный круг на груди, развевающийся плащ. Дуга еще ниже. Усилие на уну. Щелчок. Полет.

Наконец начал стрелять Кальн, теперь и его более слабый лук мог сказать свое веское слово.

– Два с половиной пальца влево! – посоветовал я рыцарю, проследив за полетом стрелы. – У земли сносит.

Дорога под копытами лошадей вздулась пузырем и плюнула синими ледяными кристаллами, рубя и калеча всех, кто находился достаточно близко. На несколько мгновений среди нападавших воцарился хаос, и мы успели выстрелить еще трижды.

Когда враг достиг камней, я мог похвастаться пятью мертвецами и тремя убитыми лошадьми. Лишь одна стрела пропала зря. Счет у Кальна был несколько скромнее – двое убитых и еще три лошади. Четверо всадников оказались посечены льдом Ходящей. Итого сдисцев осталось тринадцать, семеро из них все еще находились в седлах.

Юми «плюнул» в самого ближнего, и тот, отравленный ядом, зацепившись ногой за стремя, поволочился следом за разгоряченной лошастью. Вейя прыгнул на следующего противника, вцепился ему в лицо зубами и когтями, и я выстрелил практически в упор, помогая другу Гбабака справиться с врагом.

– Вот так, собака! – прокричал тот, сердясь, что я вмешался.

Запели вражеские стрелы. Одна прошла у меня над головой, другая, сплющив наконечник, ударила у ног. Трое оставшихся без лошадей сдисцев взяли за луки. Стреляли они из рук вон плохо, но, как говорится, рано или поздно попадет даже слепой.

Я ранил одного из них и промахнулся по второму. Стрелы в колчане кончились. Быстро вспорол ножом веревку, я развернул сверток.

Милорд Водер и Га-нор вступили в бой. Боевой молот крушил лошадиные черепа, северянин рубил мечом. Тропа была слишком узкой, два воина без труда сдерживали сдисцев, так как потерявшие разгон лошади только мешали всадникам.

Юми плевался ядовитыми стрелками, усиливая разгром.

В воздухе вдруг затрещало, и на головы врагов упала молния. То ли Рона, то ли Шен решили поддержать нас издали.

Я не мог помочь бойцам, так как занимался исключительно лучниками. Те лупили, не переставая. У меня получилось добить раненого и подстрелить еще одного, но последний, хитрый и опытный малый, все время перемещался, стреляя из довольно опасного короткого рогового лука. Зацепить его мне не удавалось.

Наконец двое уцелевших всадников развернули лошадей и бросились прочь.

– Уходим! – гаркнул я, спрыгивая на землю. – Уходим, Кальн!

Но рыцарь не последовал за мной. Он был мертв. Первая стрела, та, что прошла над моей головой, все-таки оказалась смертельной. Выругавшись, я швырнул лук уже сидящему в седле Га-нору и бросился назад, к телу воина. Перерезал ремень, удерживающий его секиру и пояс с кинжалом, вспорол тяжеленный плащ и, застонав от натуги, взвалил погибшего себе на спину.

Опасность придала мне сил, и, не обращая внимания на вес тела в доспехах, я в два счета оказался возле лошади и перекинул Кальна через седло.

– Увози его! – крикнул я Га-нору.

Милорд Водер скакал впереди, свободной рукой зажимая рану в правом боку. Я даже не успел заметить, когда его задела.

К этому моменту началась самая настоящая вьюга. Она играла на руку нам, но не взявшимся за луки уцелевшим сдисцам. Стрелы падали в опасной близости без всякого результата. Ходящие вновь начали шарихать молниями, но теперь уже вслепую.

Мы бросились прочь, и за нашими спинами протрубил рог. Почти тут же ему ответили. Новый отряд врагов был уже близко.

Глава 5

В тот день, когда погиб Кальн, до замка мы добрались с потерями. Случайная стрела, уже на излете, попала в спину Га-нору. Слава Мелоту, крепкая кожаная куртка погасила большую часть удара, но легкое все равно оказалось задето.

Не знаю, как бы он выкарабкался, если бы не Целитель. У Шена с каждым разом получалось врачевать раны все лучше и лучше, и единственной бедой было то, что это умение жрало у него массу сил. Вырвав из объятий смерти северянина и Водера, мальчишка полностью выдохся.

Едва только мы оказались в цитадели, решетку опустили, и Живр тремя ударами вбил клин в механизм подъема. Гбабак притащил выдранные из стен балки, блокируя проход. Остальные тем временем волокли камни, укрепляя завал. Гости не слишком-то спешили, и, когда подъехали к стенам, мы сделали все, чтобы затруднить им вход.

Узкий каменный мост, переброшенный через реку, оказался отлично простреливаемым местом, но мне не пришлось браться за лук. Как только преследователи приблизились, с небес ударил чадящий сгусток, убив одного из сдисцев. И остальные, решив, что быть жареным мясом не так уж хорошо – отступили.

На этом оборона нашего оплота оказалась завершена и началась недолгая осада.

Без осадной техники или носителя «искры» штурмовать стены было совершенно бесполезно, поэтому ребята встали лагерем в долине, и я им не завидовал. Кажется, Мелот решил вывалить на них все свои запасы снега, припасенные им на следующие три десятка лет.

С небес сыпало без перерыва, и я начал подозревать, что близится конец света. Тот самый день, когда за каждой дверью находится дорога в Счастливые сады, куда можно быстренько смыться, прежде чем разверзнется Бездна.

Холод наступил такой, что даже не страшщийся морозов Га-нор ежился и стучал зубами. Лично я надеялся, что южане околеют в одну из ночей и избавят нас от тяготы нести постоянные дежурства. Но они оказались неожиданно крепкими и, на нашу беду, упрямыми. Уходить не собирались и начали обустривать лагерь.

– Ненормальные дети безумного бога, – сказал как-то Отор, отворачиваясь от порывов ветра. – Мне жаль этих грешников.

– Нечего их жалеть. – Лук силился рассмотреть, что происходит в долине, но видимость была не дальше ста ярдов. – Они нас небось не пожалели бы.

– Мелот советует прощать своих врагов. – Жрец подтянул пояс с мечом. – Особенно когда им осталось недолго жить на этом свете.

– Вот уж на это не приходится рассчитывать! – Я покачал головой. – Сдисцы – ребята двуличные.

– «И пошлет Мелот испытание снегом тем, кто горд и сердцем горяч, отринул его, – процитировал Отор книгу Созидания. – И поглотит он их, остужая тщеславие».

– Боюсь, проверка на вшивость ждет не только южан, – сказал я, стараясь не улыбаться: губы на морозе трескались и кровоточили.

– Тут ты прав, Нэсс. С этим у Мелота, опасаюсь, выйдет промашка. Кажется, вновь начнется выюга. Вон как завывало.

Жрец поежился и осторожно начал спускаться по отбитым, обледеневшим ступеням во двор, то и дело поминая своего бога. Я тоже, рассудив, что достаточно проторчал на морозе, направился греться в башню, оставив Лука в одиночестве.

В большом зале сидели у очага милорд Рандо, Йанар, Лартун и Шен. Они что-то обсуждали, и лица у них были такими же осунувшимися и покрасневшими от мороза, как и у меня.

Йе-арре выглядел хуже всех. Полеты отнимали у него слишком много сил, и в конце концов наш командир строго-настрого запретил летуну подниматься в воздух.

Здесь было тепло, уютно, и меня тут же начало клонить в сон. Глаза слипались, но я стоически боролся с этим.

– Как там? – спросил Лартун.

– Как обычно. – Я расстегнул куртку. – Ничего не изменилось. Будь Отор немного более религиозным, и мы бы слышали о Последних днях.

– Живр сказал, что жрец напроорочил, как рука Мелота сметет осаждающих. Или что-то вроде того. – Шен, закинув руки за голову, смотрел на пламя.

– Погода нам благоволит, – высоким голосом сказал Йанар и закашлялся. – Она охладит горячие головы. Сдисцам будет не до штурма стен.

– До тех пор, пока не придут некроманты. Если командир южан не дурак, то уже отправил гонца за помощью. – Рандо помрачнел. – Появление Белых – это вопрос времени.

– Вопрос нескольких месяцев, милорд Рандо, – заметил летун. – При такой погоде все перевалы через день-два будут перекрыты. Некроманты всего лишь люди, хоть и с темной «искрой». Против стихии они ничего не смогут сделать.

– А Снежный клан?

– Если только среди них найдутся самоубийцы, – дернул крыльями йе-арре. – Когда ветер свирепствует, даже птицы сидят по насестам и не лезут в небо.

– Мы здесь крепко застряли, – сказал я. – Уйти через северные ворота теперь не получится при всем желании.

Все четверо кивнули, соглашаясь с моими словами.

– Разве что внезапно потеплеет. – Целитель и сам не верил в свои слова.

Я махнул рукой:

– Забудь о чудесах, приятель. Это случится не раньше середины весны.

– То есть ты хочешь сказать, что мы увязли в этой дыре на четыре месяца?! – вскинулся Лартун.

– При самом плохом раскладе – да. Я потерял обмороженные щеки. – Хотя, как говорят знающие люди, здесь случаются оттепели в последний зимний месяц.

– И не такая уж это дыра, – поддержал меня йе-арре. – Крепость гораздо лучше, чем пещера или развалины времен Войны Некромантов.

Рандо повернулся к Шену:

– Как твоя «искра»?

Тот кисло посмотрел на рыцаря и с неохотой признался в собственном бессилии:

– Появляется и вновь исчезает. Я даже не успеваю дать ей разгореться.

Ему приходилось тратить свой Дар на раненых. И если Га-нор уже был на ногах, хотя его движения и оставались скованными, то милорд Водер все еще лежал – воина съедала лихорадка. Про Тиф и говорить было нечего. Она, похоже, решила проваляться без сознания всю зиму.

– Сможем ли мы продержаться здесь до весны? – задумчиво произнес Рандо, сжав кулаки.

– Сможем, милорд, – решительно сказал Йанар. – У нас есть все возможности выжить. А то, чего нет, добудем я и мои ребята. Сдисцы умрут раньше, чем мы.

– Это обнадеживает. – Рандо, улыбнувшись, кивнул летуну. Потом повернулся ко мне, посмотрел оценивающе и посоветовал: – Отправляйся спать, Нэсс. Вряд ли кто-то будет беспокоить нас в такую ночь.

Я даже не собирался с ним спорить. Молча сгреб лук, на ходу застегнул куртку, толкнул дверь и, задержав дыхание, вышел на мороз и ветер. Стражник страдал на стене.

– Иди погрейся.

– А ты?

– Постою пока.

Лук обрадованно кивнул, хлопнул меня по плечу и поспешил к теплу.

Когда на смену мне пришел Живр, я простоял чуть меньше полунара и еще не настолько замерз, чтобы бегом бежать по лестнице. Спускаться во двор следовало очень медленно – приходилось держать ухо остро каждую уну, настолько здесь было скользко, и завтра с утра я решил первым делом сколоть лед со ступеней.

В Центральной башне, оббив сапоги от снега, я передал северянину просьбу Живра сменить его через нар и, поднявшись на второй этаж, пошел по галерее к комнате, расположенной рядом с часовней Мелота.

Йанак и Йалар сладко спали. В темноте я едва не наступил на крыло одного из них. Но все-таки нашарил овчинный тулуп и, закутавшись в него, заснул.

Снегопад завершился неожиданно. Мы уже и не надеялись на такое чудо. Но однажды, проснувшись поутру, я увидел, что небо очистилось, став ультрамариновым, и исчезнувшие облака открыли окружающие нас со всех сторон молочные пики, на которые было больно смотреть из-за яркого солнца.

Первым, кого встретил во дворе, был Га-нор. Сбросив куртку, он тренировался с мечом, легко шагая по застывшему насту и рассекая клинком морозный воздух. Проходя мимо, я кивком поприветствовал сына Ирбиса и получил в ответ едва заметную улыбку.

Возле сейчас заваленных северных ворот я заметил Рону. Она сосредоточенно хмурилась и, позабыв обо всем на свете, занималась надгробной плитой для могилы Кальна. Вода руками, Ходящая плавила камень, придавая ему нужную форму. Я подошел ближе и с удивлением увидел, как в базальте проступают контуры человеческой фигуры.

Девушка покосилась на меня, не прекращая работы.

Мы похоронили рыцаря в тот, первый, черный день, и все чувствовали себя повинными в его гибели. Поэтому старались не разговаривать об этом, но каждый пришел к нему на могилу, когда думал, что другие его не видят.

Я тоже там побывал, считая себя главным виновником смерти светловолосого спутника милорда Рандо. Мне не стоило позволять ему остаться. Я вполне бы справился сам. Да и стрела, попавшая в него, предназначалась мне...

Из плиты очень медленно начало появляться лицо, словно это был не камень, а глина. Я вздрогнул, когда узнал знакомые черты, и, не выдержав, сказал:

– Ты настоящий скульптор. Не знал.

– В детстве я неплохо рисовала и лепила из глины, – неохотно произнесла она. – Не думала, что этот опыт пригодится. Сейчас я импровизирую.

– Вполне удачно.

– Поверь мне, это не сравнится с талантом моей младшей сестры.

– У тебя есть сестра?

– Она тоже Ходящая. В этом году окончила школу.

– И где находится теперь?

– Надеюсь, в безопасности... – Она помрачнела и горько добавила: – Это была одна из причин, отчего я бросилась в Долину.

– Почему ты сразу не сказала?

– Вначале не успела: на нас наслала Аленари. А потом было уже поздно, мы оказались слишком далеко. Через несколько дней после того, как мы воспользовались Лепестками, Шен сказал, что видел госпожу Галир мертвой.

– Старшую наставницу? – Я вспомнил тело женщины в зале, засыпанном стеклом.

– Да. Она была учительницей Альги.

– С твоей сестрой все должно быть в порядке, – неловко утешил я Ходящую. – Возможно, ее не было в Долине, когда пришла Оспа. Как я понял, всех учеников вывезли.

Девушка дернула плечом и сосредоточилась на работе, показывая, что не желает продолжать разговор. Я отошел, в последний раз посмотрев на выступившее из камня лицо Кальна.

Га-нор продолжал махать клинком. К нему присоединился Лартун. Рыцарь двигался так же легко, но его удары по воздуху были не такими размашистыми и быстрыми. Фальчион воина плел совсем иной узор, чем полуторник северянина, но в то же время создавалось впечатление, что оба воина сражаются с одним противником, рубятся в унисон.

Нарастающий грохот отвлек меня от наблюдения за тренировкой, и я в два удара сердца оказался на южной стене, рядом с Луком и Юми. Оба приникли к бойницам и голосили о жабах и собаках.

Горы дрожали, рев становился все сильнее. Я шурился, силясь рассмотреть хоть что-то – долина из-за снега и ярких солнечных лучей слепила глаза.

Лартун встревоженно крикнул снизу:

– Что происходит?!

– Вот так, собака!

– Лопни твоя жаба!

Я гаркнул:

– Лавина! Лавина идет!

Горы не выдержали веса снега. По восточному, покатоному склону, разрастаясь с каждой уной, неся белый вал, похожий на морской шквал – такой же свирепый, безжалостный и неуправляемый. Он мчался в ложбину, где суетились, разбегаясь, черные точки.

Ветер донес до нас отдаленный рокот. С западного склона летела еще одна лавина, сметая на своем пути деревья и словно пушинки подхватывая огромные глыбы.

У дисцев не было никаких шансов избежать встречи с непокорной стихией, гневом гор. Белая пена хлынула в долину, погребла под собой людей и лошадей, проползла, словно червь, вниз, к ущельям, накрыла собой полосу ледника и наконец-то затихла. Лишь горы продолжали недовольно ворчать, сетуя на то, что их смели побеспокоить жалкие людишки.

А затем наступила тяжелая тишина, говорящая живым, что все кончено и гнев угас.

Лук, кажется ошеломленный больше чем другие, зубами стянул с руки перчатку и, порывшись в кошельке, протянул затертый сорен подошедшему к нам улыбающемуся Отору. Жрец спрятал желтую монету в карман и наставительно, сохраняя серьезное выражение лица, произнес:

– Запомни, мой друг. В жизни нет ничего невозможного. Особенно для Него. И тогда рука Его сметет осаждающих, а ты станешь немного богаче и счастливее. Мелот – замечательный союзник. В том числе и в азартных играх.

Я стоял на стене, шмыгал замерзшим носом и постукивал ногами друг о друга. Руки предпочитал держать в карманах, но это помогало точно так же, как мертвому – припарки. Несмотря на перчатки и варежки, пальцы нещадно мерзли. Я напялил на себя овечий свитер, застегнул куртку, влез в неопрятную шубу Лука, натянул на глаза капюшон, но холод все равно умудрялся пробраться под одежду.

Был конец первого месяца зимы, и в горы пришла лютая стужа. Зажатая базальтовыми скалами река, несущаяся под стеной, пенистая, грозная, непокорная, уступила морозу – и однажды мы проснулись от оглушающей тишины. Ревущий поток сковало льдом, превратив воду в неровные, буристые наросты.

На улице теперь можно было находиться не больше десяти – пятнадцати минок, иначе начиналась форменная пытка. Мы сидели по башням, выбираясь лишь изредка. По утрам в долине кричали барсы. Кажется, только им было плевать на суровую зиму. Что касается

людей – мороз пробирал до костей, плевок замерзал в воздухе, а борода и усы от дыхания превращались в сосульки.

Однажды я смог разглядеть двух светло-серых зверей, играющих друг с другом. Они прыгали по глубокому снегу и возились, словно два больших котенка.

– Не знаю, что их здесь держит, – сказал подошедший ко мне Лартун, прищуренными глазами следя за животными. – Я слышал, обычно в такое время года они спускаются гораздо ниже, и до лета их здесь не видно.

– Эти, похоже, об этом не знают, – усмехнулся я и, оторвавшись от бойницы, собрался уходить, но рыцарь вдруг сказал:

– Очень давно хотел спросить у тебя. Ты ведь из «Стрелков Майбурга»?

– Да.

– И Га-нор несколько раз называл тебя Серым.

– Верно.

– Ты – тот самый, что сгинул в горах вместе с двумя Высокородными?

Я не ответил, и он счел нужным добавить:

– Я служил у Сандона, когда подписали договор с дельбе Вискэ. В полку «Ястребы Севера». Нас перебросили к вам после Гемской дуги. Я прекрасно помню историю, когда убили одного из людей Наместника. Того, что распоряжался всеми запасами. У него еще куча родичей была.

– Довольно мстительных. – Моя усмешка вышла еще более кривой, чем обычно.

– Ты тогда лишь чудом избежал виселицы. Многие говорили, что ты – наемник и тебе отвалили кучу соренов за голову того придурка. Но большинство было на твоей стороне.

– Вот как?

– Эта гнида воровала у своих же. И благодаря родичам его никто не мог остановить. К тому же часть жратвы он переправлял через блокаду в Сандон. Высокородным ублюдкам. Хорошие деньги. Многие об этом знали, но... все оставалось, как прежде. Ты правильно поступил. И я рад, что могу тебе это сказать.

Он хлопнул меня по плечу, и я остался на стене в полном смятении чувств, так и не успев сказать, что мне никто не платил денег за смерть того человека. В то время я даже предположить не мог, что когда-нибудь стану гийяном, хоть и сказал Высокородным совершенно иное. А падальщик должен был умереть хотя бы потому, что из-за него гибли мои товарищи...

Барсы давно ушли, заснеженная долина опустела, а я все еще думал, что прошлое вновь смогло дотянуться до меня.

Замок стал нашим домом, и с каждым днем я привыкал к нему все больше и больше. Он стоял между двумя отвесными базальтовыми скалами, забраться на которые без умения летать не представлялось возможным. Они служили укреплением восточной и западной стен.

Южная и северная стороны крепости были сложены из массивных красно-серых блоков. Возле южной стояли две сторожевые башни – Воющая и Дозорная.

Воющая оказалась сильно разрушена, внутри царил зверский холод, а по ночам стылый ветер влетал в окна и начинал стонать, словно жаждущее мести привидение. Он голосил так, что закладывало уши, и находиться внутри можно было, только если ты абсолютно глухой.

Дозорная, наоборот, сохранилась хорошо. Но большую часть времени мы проводили в третьей башне – Жилой, той, что не примыкала к стенам и стояла в замковом дворе рядом с большим каменным домом, где, к сожалению, нельзя было поселиться, так как пол в нем, когда-то деревянный, давно провалился.

Первый этаж Жилой башни занимал большой зал и четыре кладовые, второй – столовая, две небольшие комнаты, часовня Мелота, кухня. Третий состоял из жилых помещений,

маленького, сейчас пустого, арсенала и еще одной кладовой. Четвертый считался дозорной вышкой и обладал открытой площадкой с балконом.

– Не находишь цитадель на Горячей полосе, мы бы вряд ли дотянули до весны, – заметил как-то Йанар.

Он был совершенно прав – деревьев вокруг было не так много, и, если бы не горячая вода, даруемая самой землей, мы бы уже давно околели от морозов. От Роны я слышал, что цитадель строила одна из учениц Скульптора – Ходящая, которая смогла заставить воду из недр греть камни.

– Я еще в школе читала про это место, – рассказывала девушка. – Раньше здесь даже оранжерея была, и зимой цвели самые удивительные цветы, завезенные из множества далеких стран.

– Мне кажется, тепла здесь стало гораздо меньше, – возразил ей Шен. – Грется только Жилая и два первых этажа Дозорной.

– Не занудствуй, – попросил я его. – Нам вполне хватит того, что есть, чтобы жить и радоваться. Ты загляни в подвал! Урские термы и те лопнули бы от зависти!

В каменном подполье находились два бассейна. Один маленький, заполненный едва ли не кипятком, специально для самоубийц и безрассудных глупцов. Другой – большой, глубокий и не такой горячий. Вода упругими струями била из пастей двух восседающих на горячих каменных львов и утекала в неизвестном направлении через какую-то дыру на дне.

Обе термальные ванны, как назвал их Шен, оказались выложены плоскими рыжеватыми камнями. Приятно теплыми и немного шершавыми. Потолок был высоким, сводчатым, с резкими, сильно выделяющимися контрфорсами, старыми, почти стертыми фресками, покрытыми налетом подземных испарений, и точно таким же рыжим, как стены, полом. Наверху, под куполом, виднелось несколько узких окошек. От них практически не было проку в освещении, но зато помещение немного проветривалось, так как пахло здесь, особенно с непривычки, не слишком приятно. Если во всей крепости ощущался лишь легкий запах, то возле бассейнов ощутимо несло тухлыми яйцами. Впрочем, мы достаточно быстро притерпелись к этому аромату и в конце концов перестали его замечать.

Подвал редко пустовал. Кто-нибудь обязательно сидел в «теплой луже», балдел и прислушивался к вою ветра за окном. Гбабак так и вовсе забрался в крутой кипяток на три дня. Вытащить его не получилось даже у Юми, и вейе оставалось только нырять в бассейне по соседству, повизгивая:

– Вот так, собака!

Насидевшись в воде, блазг попросил всех, чтобы его не беспокоили, если не случится что-нибудь важное, и залег в спячку в одной из кладовых.

Никто не возражал против его сна. Особенно если учесть, что потребление мяса сразу сократилось ровно в три раза. С запасами у нас было не густо, даже несмотря на то, что пришлось принять непростое решение – убить лошадей. Это казалось более милосердным, чем дать животным умереть от голода. Кормить их было нечем.

Мясо сложили на улице, закопав в снег, чтобы не пропало, и Рона окружила его защитным заклинанием от диких птиц и горных крыс.

Теперь наш рацион состоял исключительно из конины. Ни хлеба, ни пшена, ни зерна, ни соли, ни перца. К сожалению, кладовые цитадели давно стояли пустыми.

Лук страдал и просил шафа, но помочь ему было нечем. Га-нор, беспокоясь, что от такого рациона у нас скоро начнут кровоточить десны и выпадать зубы, на несколько наров ушел в горы и вернулся с какими-то промерзшими травками, корой и прочей пакостью. Юми тоже внес свой вклад в дело, притащив невесть откуда зеленой плесени.

Отвары и приправы немного разнообразили пищу.

Из всего отряда я чаще всего общался с Отором. Жрец оказался острым на язык и трактующим книгу Созидания несколько иначе, чем остальные служители Мелота. Бога он считал кем-то вроде своего старого друга. Отор говорил о Нем постоянно, но делал это столь просто и естественно, что нисколько не раздражал меня, как обычно случалось во время бесконечных проповедей в Альсгаре.

Иногда мы спорили, но мне ни разу не пришлось уличить его во лжи. Отор на все вопросы знал ответ и имел логичные и по-житейски понятные объяснения, не сводившиеся к «это твое испытание» и «Он знает, что делает».

В общем, мы вполне себе неплохо жили, если забыть о некоторых неудобствах. Я каждую свободную минутку думал о Лаэн, не переставал с ней разговаривать, и порой мне чудилось, будто она отвечает мне, но так тихо, что я не могу различить слов. Они сливались в монотонный неразборчивый шепот, и тогда я окончательно убеждался, что сошел с ума.

Эти однообразные разговоры с самим собой, будущее, которого у меня больше не было, и воспоминания – единственное, что осталось, – занимали все мое основное время. Я залезал на верхний этаж Жилой башни и проводил в одиночестве целые часы, не желая никого видеть. Меня особо не доставали, разве что Отор приходил по вечерам, чтобы переброситься парой словечек.

Однажды, во время сильной выюги, в мою берлогу заглянул всклокоченный и заспанный Шен:

– Нэсс! Тиф очнулась!

Я задумчиво посмотрел на него и встал с пола:

– Вот уж не знаю, стоит ли мне радоваться такой новости.

Глава 6

После недолгой оттепели вновь ударили холода, и пруд замерз. Утки смешно садились на застывшую воду, оглушительно и возмущенно крикая, махали крыльями, скользили перепончатыми лапами по свежему льду. Затем, остановившись, спешили назад, смешно переваливаясь на разъезжающихся лапах. Большой красавец селезень с головой, покрытой блестящими темно-изумрудными перьями, свирепо гонял конкурентов и первым попытался схватить брошенный хлеб.

Альга кормила суесящихся птиц припасенной с обеда булкой. Кроме ученицы Галир, в маленьком парке никого не было. Девушка наслаждалась кратким уединением, когда могла побыть сама собой, а не госпожой, перед которой трепетали все солдаты.

Только сейчас она с удивлением начала понимать, что это такое – быть Ходящей. В Радужной долине все было несколько иначе. Альга – ученица, хоть и завершившая подъем по ступеням. Равная тем, кто находился рядом. Здесь же ее власть и ее слово были законом. И ей это решительно не нравилось.

Не нравилось, что окружающие смотрят на нее с обожанием и страхом, ловят каждое сказанное ею слово. Пытаются угодить в любой, самой маленькой просьбе, порой даже прежде, чем она выскажет какое-то желание. Все это ее бесило.

Власть? В Бездну такую власть, раз ты становишься рабой своего титула и уже не можешь ни шагу ступить без назойливого, угодливого внимания. Власть – это сила? Ну нет! Скорее – клетка и полное отсутствие свободы. А также первый шаг к тому, чтобы забыть о настоящем Даре, погрязнуть в бытовых проблемах, мелких склоках между себе подобными и политических интригах в поиске выгод.

Как жаль! Мелот, как жаль, что только теперь она, глупая дура, начала понимать, что ей хотела сказать Галир! И как несправедливо, что Старшая наставница оставила ее сейчас, в самое тяжелое время, когда вера Альги в величие Башни и то, что она стремится лишь к одному – развитию «искры», дала трещину. Те слова, что им говорили в Долине, красивые, высокие и правильные, оказались всего лишь словами. Жизнь была очень далека от них.

Письма, приходящие в цитадель из Корунна, полные яда, недоговорок, скрытых намеков и бесконечных интриг, еще сильнее укрепили девушку в мысли, что в Башне давно уже не все ладно. Когда Альга, не выдержав, сказала об этом Шиле, Ходящая как-то странно посмотрела на собеседницу и с явным равнодушием спросила:

– А чего ты, собственно говоря, ожидала? Добро пожаловать во взрослую жизнь... подруга.

Но юная Ходящая решительно не желала смириться. Она не хотела становиться такой же дрянью, как Алия Макси или еще несколько десятков подобных ей вздорных баб, забывших обо всем, кроме грызни за власть.

Девушка злилась. В первую очередь, конечно, на себя. С детства вариться во всем этом, слушать, присутствовать, дышать с ними одним воздухом и только в восемнадцать лет окончательно прозреть. Глупая идиотка!

Но лучше поздно, чем никогда.

Альга не знала, что делать дальше, но лгать и лицемерить не хотела, хотя и понимала – это единственный путь наверх. Туда, где тебя, возможно, поостерегутся трогать и где ты сможешь хоть что-то изменить в устоявшемся порядке вещей.

Знала ли хоть что-то о том, что происходит, Рона? Она была старше на шесть лет и, скорее всего, давно перестала быть той наивной девчонкой, какой до последнего времени оставалась Альга. Но ни о чем таком Рона не рассказывала. И младшая сестра понимала старшую.

Наверное, будь старшей она – тоже бы не решилась своими руками разрушить светлый мир и надежды сестренки.

Малодушие из-за любви. Желание спасти там, где не стоило ничего скрывать.

Альга не сердилась на сестру. Не могла себе этого позволить. И часто вспоминала единственную оставшуюся в живых из своей семьи. Где она? Что с ней? Смогла ли уцелеть в войне?

Отряхнув руки от крошек, девушка пошла прочь от пруда. Пройдя сад, направилась вдоль невысокой ограды старого замкового кладбища. Здесь редко можно было встретить людей, что полностью устраивало Ходящую. Она не желала никого видеть.

Мимо кухни, возле которой крутилось множество собак, Альга добралась до внутреннего двора. Здесь ей пришлось справиться с собой и, благосклонно улыбаясь, отвечать на подобострастные поклоны офицеров.

– Вас искала госпожа Шила, госпожа, – сообщил один из них.

Альга не спеша добралась до покоев старшей Ходящей. Легонько стукнула в дверь, обозначив свое присутствие, и, не дожидаясь ответа, вошла.

Комната была большой и красивой, но девушка ни за что не захотела бы здесь жить. Мало того что высоко и, пока поднимешься по бесконечным лестницам, проклянешь все, так еще и юго-западная стена помещения – одно сплошное панорамное окно. Слишком хрупко, слишком неуютно. Хотя вид, конечно, замечательный. Этого не отнимешь.

Шила подняла взгляд от бумаг, кивнула и вновь занялась разбором корреспонденции. Даже спустя месяц после нападения колдуна на ее шее оставались царапины, а говорила женщина шепотом, едва слышным голосом.

Альга бросила на стул шубу, посмотрела в окно на белые, кутающиеся в синеватую дымку, вершины гор:

– Есть новости?

– Прочти! – Ходящая протянула девушке письмо.

Быстро пробежав его глазами, Альга, не любившая сквернословить, от души выругалась.

– Общение с солдатами идет тебе на пользу, – усмехнулась Шила. – Но побереги эмоции. Временный Совет Корунна их не поймет.

– Ну разумеется! Но их предложение – бред! Они должны понимать, что нас здесь всего двое. Двое! И один Огонек. Если набаторцы...

– Набаторцев здесь не будет. Ты ведь знаешь. Бои идут далеко на востоке.

– Я научена горьким опытом Радужной долины. Там тоже никто не ждал гостей. Следует написать в Корунн еще раз.

– Вот сама и напиши. А я устала это делать. У них один и тот же ответ: «Мы склонны полагать, что Клыку Грома ничто не угрожает, и не можем отправить носителя «искры» для усиления крепости». Они не хотят ослаблять свои силы. Весной начнется бойня, и потребуются все носители Дара.

– Но не мы!

– Не мы, – сухо согласилась Шила, расправляя помятое Альгой письмо. – Оно и к лучшему. Я потеряла большую часть своей уверенности, когда тот некромант отрезал меня от «искры» и трепал, словно беспомощного котенка.

Альга тут же помрачнела, сложив руки на груди, отошла к окну и с хмурым видом стала смотреть на горы, слушая, как за спиной поскрипывает по бумаге гусиное перо.

– Я так и не поняла, при чем тут Целитель.

– Мы гадали с тобой неоднократно. Если ты ничего не скрываешь... – Шила увидела, как спина ученицы Галир гневно напряглась, – колдун просто безумец.

– И никак иначе. Он мог допросить меня, когда мы встретились в пути. Я каждый раз об этом думаю...

– Забудь, – посоветовала Шила, и перо вновь заскрипело по бумаге. – Теперь это бесполезные мысли.

– Не согласна. Он может вернуться.

– Это тебя пугает?

– А тебя нет? – огрызнулась Альга.

– Разве что ночами, – не стала отрицать Ходящая. – Но он сбежал и пока не возвратился, хотя, думаю, нашел бы возможность, если бы захотел. С такими-то способностями.

Даже раненого, некроманта так и не смогли поймать. Он убил больше двух десятков солдат, прорвался к южным воротам и исчез. Ночное преследование ничего не дало. Белый скрылся, не оставив следов. Было неясно, как он проник в Клык Грома. Солдаты целую неделю искали возможную брешь в стене, но так и не обнаружили.

После этого случая Альга перестала чувствовать себя в безопасности. Несмотря на усиленные патрули и заверения коменданта крепости, что мимо не проскочит даже мышь. Уже проскочила. И совсем не мышь.

Девушку тяготило пребывание в цитадели. Не возникало сомнений, что тот человек искал именно ее. По ошибке ли – другой вопрос. Он знает, где она, и вполне способен повторить попытку. Альга желала как можно быстрее уехать в Корунн, поближе к переехавшей Школе, своим друзьям и знакомым, но у нее не хватало духа уйти. Шила просила остаться, и она не могла отказать.

После нападения, когда их жизни висели на волоске, они стали относиться друг к другу чуть лучше, чем прежде, хотя и старались не показывать этого.

– Ты не видела Райла? – поинтересовалась Шила, запечатывая конверт.

– Нет. – Альга следила за ровным полетом рыжеватой птицы, с высоты осматривающей заснеженные окрестности в поисках добычи. – Кажется, он со вчерашнего дня уехал в город и до сих пор не вернулся.

– Он... – Голос конопатой Ходящей дрогнул, такое после травмы с ней случалось часто, но она, сделав над собой видимое усилие, продолжила: – Слишком много времени проводит в тавернах.

– Это не мешает ему помогать нам, – дипломатично заметила Альга.

– «Императорская молния». – Женщина подняла руку с синеватым конвертом. – Коменданту пришел такой же. В отличие от Совета военачальники не поскупились на полк. Его расквартируют под городом, в старых казармах. Прибудут сюда через две, быть может, три недели.

Альга улыбнулась. Это была первая хорошая новость за день!

– Здорово. Ну я пойду к себе.

– Да. В другой раз поговорим еще.

Альга взялась за дверную ручку, но остановилась и спросила:

– Кстати, как думаешь, можно разорвать двенадцать тройных узлов на «Плывущем кленовом листе» в седьмой связке плетения?

– Ты о потоке, способном связывать светлые «искры»? – Шила тут же поняла, о чем идет речь. – Можно, если ты поймешь, что делает противник, и сумеешь отбить атаку. Но к этому надо быть готовой.

– А когда тебя уже связали?

– Если тебя схватили, вырваться невозможно. Сдисцы блокируют все попытки дотянуться до «искры». А что?

– Да ничего, – пожала плечами Альга. – Просто размышляю. Увидимся.

Она вышла в коридор и, спустившись по лестнице, направилась в сторону своей комнаты. Четвертый день ее мучил сон, где толстая сдиска ловко отрезала ее от Дара, и Ходящая, потев всякую возможность сражаться, слышала торжествующий смех старухи до тех пор, пока не просыпалась от собственного крика.

Каждый раз Альга пыталась сбросить вражеское плетение. Она перепробовала уже множество вариантов, однако так и не смогла дотянуться до «искры». Девушка была уверена, что разгадка где-то рядом, лежит на поверхности, потому что во сне возможно все, но пока не находила решения.

Утро выдалось ярким, морозным, свежим. Альга стояла на стене и, опасно перегнувшись через край, следила за тем, как закрываются южные ворота. Комендант получил из столицы приказ больше не пропускать на север ни единого человека. Как только все отряды из дозорных башен, находящихся на тракте между Лоска и Клыком Грома, вернулись в цитадель, путь с юга был перекрыт.

Девушка считала, что это следовало сделать еще две недели назад – именно с тех пор дорога стояла пустой, и через перевал не прошло ни одного беженца.

– Привет! – сказал подошедший сзади Райл и, когда Альга вздрогнула, ловко схватил ее за талию, аккуратно ставя на землю.

– Так можно и до смерти напугать, – проворчала она. – Ты где пропадал два дня?

– Крутился в городе. У них сегодня праздник. Меня попросили помочь по мелочи в подготовке. Как твои руки?

– Спасибо. Я, если честно, и думать о них забыла.

Плетение, ранившее Белого, оставило на ладонях ожоги, и несколько дней Альга с трудом могла шевелить пальцами от боли. Но волдыри быстро сошли, и к кистям вернулась прежняя подвижность.

– Это хорошо, – одобрительно улыбнулся Райл. – Я вернулся только из-за тебя. Быть может, ты хочешь прокатиться?

– Куда? – удивилась она.

– В Кандерг, разумеется. Здесь нет других городов.

Она тут же вспомнила колдуна и, покачав головой, неуверенно ответила:

– Ты знаешь... что-то не хочется.

– Да перестань, – сказал Огонек. – Ты сиднем сидишь в этих стенах уже месяц. Я бы давно сошел с ума. Посмотри, какой чудесный день! Тебе пора развеяться. Я знаю чудесную таверну – там лучшее молоко с горным медом и кленовым сиропом по эту сторону Катугских гор.

– Хорошо. Убедил. – Девушка улыбнулась, не в силах противостоять его мягкому напору.

– Вот и чудесно! – тут же обрадовался Райл. – Я спущусь, скажу, чтобы для тебя подготовили лошадь. А ты подходи. Лады?

– Лады, – произнесла Ходящая простецкое словечко. – Я скоро.

Через десять минок она была в седле и вместе со своим спутником ждала, когда откроют створки северных ворот.

– Выделить вам сопровождение, госпожа? – спросил дежурный офицер.

Альга хотела согласиться, но Райл с усмешкой ответил:

– Благодарим, но эта предосторожность ровным счетом ни к чему. Там совершенно безопасно.

Сразу после Клыка Грома дорога пошла под уклон, размашистым серпантином поползла по каменистому еловому склону, затем спустилась в широкое, залитое столбами солнечного света ущелье, на дне которого бежала пенная, рокошущая, сверкающая бирюзой река. Всадникам четырежды пришлось пересечь ее, перебираясь с одного берега на другой по низким каменным мостам.

Путь занял чуть меньше двух наров, но Альга за это время несколько не устала, а, наоборот, воспрянула духом. Райл был прав – она устала сидеть в замке, и ей уже успел порядком надоесть маленький садик. Небольшое путешествие действительно оказалось очень кстати.

Тракт привел их в широкую, похожую на лист лопуха долину, где находился Кандерг – первый из северо-западных городов Империи. Он раскинулся по долине, кое-где заползая домами на пологие склоны гор. Длинный, хаотичный, без крепостных стен и башен. Горожане за многие века привыкли, что живут под защитой Клыка Грома, и опорные укрепления им ни к чему.

Город, стоящий на единственном торговом пути в этой местности, процветал. Все дома были двухэтажные, каменные, ухоженные. С красивыми крышами, на которых лежала ярко-бордовая черепица. Высоченная белая колокольня храма Мелота и ослепительно сияющий шпиль городской ратуши были видны издалека.

– Что у них за праздник? – поинтересовалась Альга, когда спутники въехали на наряженную и украшенную лентами центральную улицу.

– День основания. Чему ты так удивляешься?

Райл заметил, как девушка озирается по сторонам.

– Идет война, а люди все-таки не разучились радоваться.

– Ну до них война пока не докатилась. Ни боев, ни смертей, ни некромантов.

– Ошибаешься. Их она тоже коснулась. После того как исчезли путники и торговцы, здесь все должны были потуже затянуть пояса.

– Так и случилось. Но это не повод отменять праздник, – пожал плечами Огонек, приветливо поздоровавшись с каким-то прохожим.

– Когда начнется торжество?

– Ближе к вечеру. А пока у меня есть для тебя одно дело.

– Вот как? – Она подняла красивые брови. – О делах ты мне ничего не говорил.

– Это был сюрприз, – заговорщицки подмигнул он. – Просто я помню твои старые школьные таланты. Подумал, что тебе будет интересно.

– Ты о чем?

– Сейчас увидишь, – пообещал Огонек. – Да мы, собственно говоря, уже приехали.

Городская площадь была залита льдом и превращена в большой каток, на котором уже было полно гомонящей и визжащей детворы. С другой стороны катка, прямо напротив ратуши, украшенной лентами и еловыми ветками, стояло больше двух десятков кубов прессованного льда, похожего на зеленоватое бутылочное стекло. Каждый достигал в высоту четырех-пяти ярдов, а об их весе Альга могла только догадываться. От ледяных глыб веяло жутким холодом, и, прищурившись, девушка разглядела остатки плетения, все еще висающие в воздухе.

– Твоя работа? – спросила она у Райла.

– Да, – улыбнулся тот. – Почти целые сутки готовил для тебя материал. Я помню, как здорово ты создавала скульптуры в Долине, и подумал, что тебе будет интересно показать свои умения здесь. Все будут очень рады.

– А если бы я не согласилась поехать?

– Я был уверен, что ты мне не откажешь.

– Вот и обещанное молоко с медом, – поддела она его.

– Будет. И то, и другое.

– Ну уж нет! Сегодня я пью вино!

Он согласно кивнул:

– Без проблем. В той таверне есть несколько бутылок из Золотой Марки. Тебе понравится. Так что? Возьмешься?

– Я почти не работала со льдом, – сказала девушка, но в ее голосе не слышалось неуверенности, а карие глаза уже оценивающе изучали материал. – Да. Это будет интересный эксперимент.

Люди, собравшиеся на площади, довольно быстро сообразили, кто приехал вместе с Огоньком, и начались обычные поклоны, порой переходящие в раболепное блеянье. Город-

ской совет в полном составе гнул спины перед госпожой и ворковал о чести, которой она их удостоила. Альга терпеливо вынесла все церемонии, ответила, что ей очень нравится город и она рада здесь находиться в такой замечательный день.

Слухи о Ходящей быстро распространились, и за спиной девушки, впрочем не подходя достаточно близко, собралось множество любопытных, желающих собственными глазами увидеть, как творятся чудеса.

Альга уже знала, что хочет получить, и, создав привычное, хорошо знакомое плетение, начала неспешную, кропотливую работу. Узкий поток, которым она управляла, острый, словно алмазный резец, снимал с глыбы тонкие пласты льда. Слой за слоем она углублялась в зеленоватый материал, придавая ему форму, объем, наполняя цветом, вдыхая жизнь.

Прочный лед поддавался, плавился под ее невидимыми «руками», становился чем-то сродни глине, горячему воску, раскаленному металлу, послушному приказам Ходящей. Он звенел и трепетал от восторга, чувствуя «искру», меняющую его.

Альга позабыла обо всем на свете. Она не слышала одобрительного и восхищенного гула у себя за спиной, не замечала потрясенных взглядов и не обращала внимания на аплодисменты, раздающиеся, когда очередная скульптура оказывалась готова. Затаив дыхание, девушка творила и пришла в себя, лишь когда вся работа была сделана.

Перед восхищенной толпой предстали миниатюрные замки, рыцари на вздыбленных конях, расправивший крылья орел, загадочные длинношеее жирафы, девушка, набирающая в кувшин воду, льющуюся потоком, выпрыгивающий из моря дельфин, блазг, стая бабочек, Башня Альсары, творящая заклинания Ходящая и множество других скульптур.

Каждая из них являлась настоящим произведением искусства и сверкала в солнечных лучах, словно драгоценный берилл из южных стран. Люди ходили вокруг статуй и, замороженные зрелищем, ошеломленно качали головами. Альга огляделась по сторонам, но нигде не увидела Райла. Она медленно пошла вперед, надеясь заметить Огонька, и через несколько минок услышала, как он окликнул ее.

– Просто изумительно! – сказал молодой человек. – Ты смогла удивить даже меня. Они прекрасны.

– Ерунда, – отмахнулась она. – К тому же век их будет очень недолог. Куда ты уходил?

– Вот. – Он протянул ей коньки. – Размер твоей ноги я, кажется, угадал. Идем покатаемся?

День действительно оказался чудесным. Раскрасневшаяся, смеющаяся, довольная Альга покинула лед, когда солнце скрылось за горными вершинами и небо стало стремительно гаснуть. Вокруг гудел и веселился народ, рекой лился шаф и вино, звучали песни и оглушительный хохот. В этот вечер люди словно забыли о беде, которая с каждым народ становилась к ним все ближе. Они желали веселиться и брали от жизни все.

– Потрясающе! – сказала Ходящая.

Она чувствовала приятную усталость, и сейчас ее не раздражали почтительные и восхищенные взгляды собравшихся на площади горожан. Ходящая наконец-то перестала их замечать.

– Рад, что ты довольна. – Огонек отвязал ремни, удерживающие полозья на обуви, передал обе пары коньков какому-то мальчишке и сказал, как только они остались одни:

– Рекомендую смыться, пока о нас не вспомнили. Иначе уважаемые жители города заташат на праздничный ужин, и мы не вырвемся до середины ночи. Я вроде обещал напоить тебя вином. Здесь недалеко. Пойдем пешком?

– А лошади?

– Не волнуйся. Я попросил, чтобы о них позаботились, – беспечно махнул рукой Райл и повел ее прочь.

С центральной улицы он быстро нырнул в какой-то темный переулок, проскочил его, оказался на параллельной улице, свернул в подворотню, пробежал через двор и вывел Альгу туда, где не было слышно шума и гама. Девушка даже опомниться не успела.

– Теперь если и хватятся, нас не найдут, – на ходу объяснил Огонек. – Я тоже, на самом деле, не люблю все эти расшаркивания. Слишком много времени при этом теряется.

– Ты прекрасно знаешь город.

– Еще бы! Он – единственная отдушина в этом унылом месте. Я частенько сюда выбираюсь. Клык Грома мне до смерти надоел. Я написал письмо в Корунн. Пусть Временный Совет найдет другого дурака. Хочу в столицу.

– Я тоже. Слушай, мы не далеко забрались? Я видела приличную таверну еще несколько минок назад.

– Приличная – не значит лучшая, – наставительно сказал Райл. – Не беспокойся. Я знаю, что делаю.

Они оказались где-то на окраине, за домами шумела река, улицы были темны и пусты, но Огонек смело шел вперед, не глядя по сторонам, без умолку болтая. Наконец он свернул в переулок и остановился перед добротным, ярко освещенным домом.

– Вот и пришли. Думаю, мы здесь будем одни. Все празднуют на центральной площади, и на нас не будут глазеть, как на каких-нибудь блазгов. Идем!

Он толкнул прочную дверь, и они оказались внутри.

– Мастер Райл! – Вихрастый курносый парень вскочил из-за стола, за которым сидел вместе со смуглым морщинистым стариком. – В такой день! Вот уж не думал, что вы все-таки придете в наше заведение!

– Я ведь обещал, – улыбнулся Огонек, помогая Альге снять шубу. – Найдется у вас бутылка южного?

– «Кровавый якорь»? А как же, ваша милость! Сейчас все будет. Хрип, посади гостей за лучший стол! Я мигом!

Старик с неблагозвучным прозвищем молча отвел гостей в самое светлое и уютное место небольшого зала.

– Желаете еще что-нибудь, кроме вина?

– Было бы неплохо увидеть хороший ужин, Хрип.

– Как обычно, ваша милость?

– Разумеется.

Старик ушел, снова появился вихрастый с запыленным глиняным кувшином и двумя бокалами. Сломав сургучную печать, он налил посетителям темного, отдающего синевой вина. Альга пригубила напиток и оценила:

– Отличное. Райл, с тобой все в порядке?

– Да. А что? – удивился Огонек.

– О чем ты вдруг задумался?

– Вспомнил Тирру. Она любила это вино. – Улыбка у него вышла натянутой, да и глаза больше не смеялись.

Девушка мрачно кивнула. Ходящую было жаль. Она хотела утешить Огонька, но в этот момент вдруг перестала чувствовать свою «искру» и ошеломленно выпрямилась на стуле. В первую уну Альга подумала, что ей показалось. Что такого просто не может быть. Но заметила быстрый взгляд Райла, брошенный за ее спину, резко обернулась, вскрикнула, попыталась вскочить, но тяжелые руки, опустившиеся на плечи, вновь усадили ее на стул.

– Спокойно. Без паники, цыпа. – Вихрастый парень разом растерял свою угодливость. Говорил грубо и жестко. Его пальцы жгли ее кожу через одежду. – Не дергайся.

– Повезливее с дамой, Топор, – тихо сказал мужчина со шрамом на нижней губе, вошедший с улицы. Двигался он скованно, словно его беспокоила рана.

– Конечно, господин Дави. Конечно.

– Отлично сработано, мастер Райл. Я, признаться, в какой-то момент решил, что вы нас обманули.

– Потребовалось много времени, чтобы ослабить ее «искру», как вы хотели.

– Я видел. Ледяные скульптуры. Хорошо придумано. Вы смогли меня удивить. Добрый вечер, госпожа Альга.

Ходящая с удивлением поняла, что нисколько не боится и сейчас способна испытывать только ярость.

– Ты и вправду знаешь, что делаешь, Райл? – сдерживая гнев, произнесла девушка, стараясь пробиться через стену, отрезавшую ее от Дара. – Тогда, в замке, ты был на моей стороне. Что он тебе пообещал, раз теперь ты с ними?

– Теперь это уже неважно. – Огонек, не дрогнув, посмотрел ей в глаза. – Мы в расчете?

Райл повернулся к колдуну.

– Вполне, – господин Дави кивнул стоящему за спиной Огонька старику.

Альга не успела уловить движение свободной руки Хрипа, оно было слишком быстрым для ее глаз. Просто что-то мелькнуло, тускло сверкнула сталь, и недавняя выпускница Долины вначале совершенно ничего не поняла, лишь увидела, как округлились глаза Райла, как он коснулся «искры», как та ярко вспыхнула и тут же полностью погасла.

Красная тонкая нитка побежала поперек шеи Огонька, набухла, лопнула кровью. Альга вскрикнула, уперлась ногами в ножку стола и рванулась так сильно и неожиданно, что вихрастый Топор ее не удержал. Она упала на спину, не обращая внимания на боль, со всей силы лягнула парня в правое колено. Тот взвыл, рухнул рядом, Альга перевернулась на живот, вскочила, бросилась к двери, но добежать не успела.

Девушка вскрикнула, когда безжалостные пальцы вцепились ей в волосы. Ходящую развернуло, и жесткая ладонь отвесила ей настолько сильную оплеуху, что потемнело в глазах.

– Хватит, Хрип! – крикнул колдун. – Довольно!

– Как скажете, господин Дави. Резвая южаночка нам попалась.

Стараясь не заплакать, Альга сплюнула кровь из разбитой губы и с ненавистью посмотрела на некроманта:

– Я убью тебя, тварь!

– Возможно, – холодно ответил он и вновь обратился к старику: – Свяжи ее. Глаз не спускай. Топор, хватит стонать. Пошевеливайся! Избавься от тела. И займись каретой. Мы и так здесь слишком задержались.

Глава 7

Когда Тиа поняла, где оказалась, то, недолго думая, окрестила крепость дырой. А как иначе можно было обозвать грудку камней на каком-то безымянном перевале? Засыпанные снегом, скованные льдом и воняющие мышьиным пометом и тухлыми яйцами, они не располагали к себе.

– Твой нрав не претерпел особых изменений, – с иронией сказал Нэсс, выслушав мнение Проклятой.

– С чего бы ему становиться лучше, хотела бы я знать? – удивилась Тиф. – Мы, судя по всему, в месте столь унылом, что хоть руки на себя накладывай. Я таких даже в пустыне за Сахаль-Нефулом не видела.

– Я бы на твоём месте поблагодарил Бездну за то, что мы здесь. Эта «дыра» гораздо лучше, чем зимовка в шалаше из еловых веток или сугробе!

– Ну тут не поспоришь, – пробормотала Убийца Сориты и тут же вскинулась: – Эй! Как это?! Какая зимовка?!

– Самая настоящая. Мы застряли здесь до весны без всяких шансов покинуть горы. Так что привыкай.

Услышав эту новость, Тиф и вовсе скисла. До весны! Подумать только!

– Что это ты притихла? – удивился лучник.

– Предпочитаешь, чтобы я называла тебя недалеким придурком вслух? – раздраженно зашипела она. – А, Бездна! Как болит голова! Где шляется Целитель, когда он так нужен?! Впрочем, толку от него! Как был безруким, так безруким и умрет. Я быстрее белку научу плетениям, чем твоего приятеля.

Она зря ругала Шена. Тот смог значительно ослабить боль, но мигрени продолжали мучить Проклятую еще две недели.

Убийца Сориты не помнила, как с ней произошел несчастный случай, но поняла, что, судя по рассказам окружающих, к ней благоволила сама Бездна.

У тупого деревенского дурачка оказалась крепкая, удачливая башка. Другой на его месте давно бы стал покойником.

– Спасибо, вообще-то следует говорить мне, – как-то услышав ее слова, сухо произнес Шен, перебирая пальцами одолженные у Нэсса алые четки.

– Никто не принижает твоих достижений! – отмахнулась Тиа. – Ты оказался в нужное время в нужном месте. Кстати, с чего это ты решил вернуть меня к жизни?

– По доброте душевной, – буркнул он. – Поверь, я уже жалею, что это сделал.

– Нисколько не сомневаюсь, – серьезно ответила Проклятая. – Я бы тоже сожалела.

Больше они на эту тему не разговаривали.

Пролежав без сознания Бездна знает сколько дней, Тиф была страшно слаба и редко выбиралась из своей берлоги. Проклятая тихо зверела и едва ли не на стенку лезла. Большую часть времени она торчала на самом верху Жилой башни, созерцая опостылевшие горы и считая сыплющиеся с неба бесконечные снежинки. Это была самая долгая зима в ее жизни, и порой, особенно в сумерках, Убийце Сориты начинало казаться, что она никогда не кончится. Что весь мир раз и навсегда погребен под тяжелым слоем снега, который больше не растает.

Рацион тоже способствовал дурному настроению. Тиа не знала худшего мяса, чем конское. Конину она терпеть не могла и теперь ела с большим отвращением. Лук в отличие от нее уплетал еду за обе щеки и как-то раз поинтересовался, почему она оставила свою порцию почти нетронутой. Дочь Ночи так посмотрела на стражника, что тот предпочел заткнуться и больше с глупыми вопросами не лез.

Однажды, замучившись сидеть в одиночестве наверху башни, Проклятая решила прогуляться дальше обычного маршрута и случайно узнала о спрятанном в подвале сокровище. Узрев горячую ванну, Тиа испытала такой восторг, что даже зима перестала казаться ей такой уж отвратительной. Теперь дни и ночи стали проходить гораздо быстрее. Она и глазом моргнуть не успела, как пролетел целый месяц и начался новый год.

– Какой идиот бросил такую крепость? – как-то спросила она за обедом, отодвинув в сторону почти полную тарелку.

– Вот так, собака! – пискнул Юми.

– А кому они нужны? – Милорд Водер задумчиво подбрасывал кинжал и ловил его за рукоятку. – Как только шахты были выработаны, тракт опустел, и ущелья одичали. Гарнизон здесь держать ни к чему – опасности нет. Вот и бросили. Ха! Мало ли в горах старых построек?

– Тех, где круглосуточно есть горячая вода, – мало.

– Ты любитель помыться, парень?

– Это лучше, чем вонять на весь зал, как Живр, – буркнула она, встала из-за стола и направилась к себе.

Проклятая понимала, что пора вновь начинать учить Шена и Рону, которые слишком много потеряли за то время, пока она валялась в беспамятстве.

Когда Тиа сказала им об этом, оба без особых проблем согласились совершенствовать «искру» дальше. И Дочь Ночи начала наверстывать упущенное за время болезни ударными темпами, прерываясь лишь на сон и горячие ванны. Ранним утром и поздним вечером, когда ее никто не мог побеспокоить, она забиралась в воду и балдела по нескольку наров кряду. Это была ее маленькая радость, и она благодарила Звезду Хары за то, что та позволяла ей хотя бы на некоторое время почувствовать себя прежней.

На улице давно стемнело, и Проклятая, поплотнее закрыв за собой дверь, неспешно спустилась по ржаватой каменной лестнице, мурлыкая любимый мотивчик, услышанный еще от Ретара. Быстро раздевшись, она с блаженным оханьем погрузилась в горячую воду и почти тут же услышала, как скрипнули несмазанные петли, а затем раздались приближающиеся шаги. Тиа зарычала, словно собака, у которой хотят отнять кость, и раздраженно обернулась.

– А. Серый. Ты... – протянула она. – Ты не мог бы убраться и найти себе какое-нибудь более интересное дело, чем досаждать мне?

Гийян пропустил «вежливый» намек мимо ушей. Принюхался, с интересом изучил плавающую по воде пену.

– Что это?

Проклятая закатила глаза:

– Слушай! Проваливай! Будь хорошим мальчиком. Сходи на могилку к светловолосому рыцарю или утешь Ходящую. Она сегодня не справилась с моим заданием.

– Вряд ли она нуждается в моих утешениях. Так что это за зеленая дрянь в твоей луже?

– Это травы, что притащил северянин. Я позаимствовала их на кухне и применила несложное плетение. Люблю отдыхать с комфортом, знаешь ли. Теперь, если с вопросами покончено, не мог бы ты все же убраться?

– Не мог. Есть разговор насчет Шена.

Тиф возвела очи горе и окунулась с головой, задержав дыхание. Она подумывала даже воспользоваться «искрой» и продлить свое пребывание под водой, но вовремя вспомнила, что Нэсс слишком упрям для того, чтобы так просто сдаться. Проще поговорить, сам отстанет. И это будет гораздо быстрее, чем препирательства.

– Ну валяй, – пробурчала она, вынырнув.

– Как продвигается обучение Целителя?

Она осторожно ответила:

– Его «искра» стабильна, хотя потенциал до конца не развит. Дар мальчишки еще раздувать и раздувать. В плетениях он наконец сдвинулся с мертвой точки. Понял принцип. Если что-то не получается, создает новое, почти идентичное требуемому. Или просто меняет основу. А, Бездна! Тебе не нужны эти слова. Все равно ничего не понимаешь. В общем, лучше, чем ожидалось, но хуже, чем я надеялась.

– А Рона?

– О! Хорошо, что ты спросил. Мне хочется ее придушить. Или огреть чем-нибудь потяжелее.

– Почему?

– Потому что только эта девка способна рвать жилы, чтобы чему-то научиться, но в то же время корчить столь кислые рожи, словно это надо лишь мне, но никак не ей.

– Ты пристрастна.

– Вполне возможно. – Она подгребла к себе зеленоватой пены. – Но, по мне, эта овечка – в волчьей шкуре. Буду держать ухо востро.

Лицо у Серого осталось бесстрастным.

– Твое право. Хорошо. Наслаждайся одиночеством.

Тиф в ответ лишь булькнула и вновь ушла на дно. Когда она вынырнула, гийяна уже не было. Зачерпнув со дна целебной рыжей грязи, Проклятая шлепнула ее себе на лицо и, растерев теплую жижу, едва слышно замурлыкала старую песенку. Хорошее настроение вновь к ней вернулось, но совсем ненадолго.

– Вот так, собака!

Визг и громкий плеск в соседнем бассейне заставили Убийцу Сориты выругаться. Она села и протерла глаза.

Вейя бодро шлепал по горячей воде, помогая себе не только лапами, но и хвостом. Проклятую он словно не замечал и нырял в свое удовольствие. В первую уну она хотела вышвырнуть его прочь, но в итоге не стала возиться. Лень было выбираться, да и маленький пронырливый крысеныш ей нравился. Он был самым неунывающим созданием из всех, что Тиф встречала на своем долгом веку.

– Вот так, собака! Вот так, собака! – пищал Юми, нарезаая круги и делая страшные глаза, заметив, что привлек внимание зрителя.

– Да ты настоящая акула, – неожиданно для себя сказала Тиа.

Вейя раздулся от гордости. Оставшись довольным похвалой, выбрался на «берег», отряхнулся, распушив шерсть, вычесал живот и, попрощавшись все той же «собакой», куда-то отправился.

Через несколько минок Дочь Ночи настиг вызов.

Тиа задумалась, желает ли она разговаривать. Быстро взвесив все «за» и «против», приняла приглашение к беседе, даже не подумав смыть с лица рыжую грязь.

Аленари гладила лежащего на постели уйга. Тот блаженно жмурился и едва слышно мурчал.

– Прекрасно выглядишь. – Из-за маски было непонятно, улыбается Аленари или нет.

– Спасибо, стараюсь, – в тон ей ответила Тиа. – Что заставило тебя искать со мной беседы?

– Хочу сообщить, что Гаш-шаку пал.

– Давно пора, – проворчала та. – Ты в городе?

– Да.

– Что дальше?

– Намерена присоединиться к Лею и Митифе, если тебе это интересно. Мы потеряли Рована.

– Экая печаль.

Аленари хмыкнула, изучила довольную физиономию Тиф:

– Ни вопросов, ни особой радости. Сдается мне, ты уже в курсе.

– И не скрываю этого. Рован заслуживал смерти.

– Все ее заслуживают. В большей или меньшей степени. – Звезднорожденная рассеянно провела рукой по шее зверя. – Но он умер не вовремя. Нас ждет весенняя кампания, и четверо в таких делах всегда хуже, чем шестеро. Топор Запада погиб очень некстати. Ты поступила глупо, убив его.

– Эй-эй! При чем тут я? – гораздо менее возмущенно, чем следовало, вскричала Тиа. Она не считала нужным особо таиться.

– Тебе известно о его смерти, хотя об этом знают лишь я, Лей, Митифа и несколько Избранных. Значит, ты приложила руку к тому, чтобы отправить его в Бездну.

– Могла бы поспорить, но мне лень. Горячая вода так расслабляет. – Дочь Ночи притворно вздохнула, ожидая реакции Оспы, но та лишь спросила:

– Как тебе удалось его подловить?

– Воля случая.

– И сколько у тебя еще таких «случаев»? – В руке Аленири появился знакомый обломок стрелы. – Митифа обеспокоена.

– Да ну? Самое время ей начать беспокоиться.

– Что все-таки между вами произошло, раз ты так хочешь вцепиться ей в глотку?

– Ничего особенного. Просто я полностью утвердилась в мысли, что мне нужна ее глупая голова.

– Ты в последнее время слишком прожорлива! – отрезала Оспа. – Сначала я. Потом Рован. Теперь Митифа. Кто следующий?

– Не волнуйся, – мило улыбнулась Тиф. – Насчет тебя я не имею столь... далеко идущих планов.

– Охотно верю, – холодно процедила та. – Когда мне ждать тебя? Я все еще желаю услышать о Лепестках.

– А я мечтаю о голове Кори. Давай поможем друг другу?

– Как только Корунн будет в наших руках. И не минкой раньше.

– А если она умрет до этого? К примеру, от шальной стрелы? – невинно поинтересовалась Тиф. – Мы обе будем разочарованы, потому что каждая из нас не получит того, чего желает. Ведь ты обещала подумать, и прошло достаточно времени для прямого ответа.

– Я уже говорила, что согласна на сделку. – Аленири раздраженно отбросила серебристые волосы за плечи. – Митифа сообщила, что ты теряешь силу. В Долине я смогла убедиться в верности ее слов.

– Пусть тебя это не беспокоит.

Аленири помолчала и произнесла, взвешивая каждое слово:

– Голова будет твоей только после Корунна. Ваши склоки могут подождать.

– Лепестки, думаю, тоже.

Оспа презрительно дернула плечом, и «Серебряное окно» погасло. Тиа фыркнула. Пустой разговор. Если Палач Зеркал думала, что Тиф начнет все отрицать, то ошиблась.

Неожиданно Проклятая расхохоталась, и под потолком вспыхнули ярко-голубые шары, а вода из соседнего бассейна выплеснулась в воздух, превратившись в закружившуюся по залу стаю прозрачных птиц и бабочек.

Теряет силу?..

Митифа наслушалась Тальки, которая на этот раз ошиблась! Вместо того чтобы исчезнуть, с каждой неделей «искра» Тиа разгоралась все ярче и ярче.

Это было удивительно! Грандиозно! Волшебное! Непередаваемо!

Ее прежний Дар, пускай и очень медленно, возвращался. Она перестала утрачивать мощь «искры» и теперь все в большем объеме накапливала ее. Кажется, чем сильнее дух срастался

с этим телом, тем сильнее прежний потенциал наполнял оболочку, как скудная дождевая вода наполняет огромную бочку. Рано или поздно вода доберется до краев. По подсчетам Проклятой, это случится не раньше начала лета. И она станет почти такой же, как прежде.

И тогда Митифе придется несладко.

Уж Тиа ал'Ланкарра постарается, чтобы это было именно так.

Глава 8

От лютого холода не спасала ни шуба, ни ворох шерстяных одеял, выданных Альге поздним вечером. Девушка свила себе из них настоящее гнездо, укрылась с головой, но смогла немного согреться только через нар. В сарае, где ее заперли, было ничуть не теплее, чем на улице, но она сумела заставить себя заснуть, даже несмотря на жгучую боль в стертых веревкой запястьях.

И вновь, как каждую ночь, ученица Галир оказалась в пустых полутемных коридорах Радужной долины и бежала, сбивая дыхание, металась из угла в угол, словно заяц путала следы, но все равно слышала за спиной насмешливый голос:

– Лучше бы тебе выйти самой.

А затем между ней и «искрой» вырастала преграда, и Ходящая разбивала о нее кулаки, а позади смеялась и смеялась сдисккая колдунья:

– Тебе не сломать стену Дома Боли, дурочка!

Девушка использовала сотни вариантов, каждый раз все ближе и ближе подбираясь к разгадке, но ей постоянно не доставало времени, и, проснувшись, она так и не могла касаться своего Дара.

На этот раз не хватило совсем немного. Колдунья ударила ее темным копьём – все тело Альги пронзила боль, а потом, уже умирая, она неожиданно ощутила свою «искру» и... открыла глаза.

Из заиндевшего окна сочился бледный рассвет. Во дворе сухо, с каким-то неприятным металлическим лязганьем лаяли псы.

Виски глухо ныли, голова была тяжелой, будто девушка и не спала. Альга села, завернувшись в одно из одеял, закашлялась, и ее грудь обожгло такой острой болью, что она на несколько мгновений потеряла способность соображать. Очнувшись, Ходящая уже знала, что больна. Да и немудрено заболеть в таких скотских условиях.

Встав, она подошла к миске, стоящей на столе. Удивительно, но вода не замерзла за ночь. Альге очень хотелось пить, кажется, у нее начинался жар, однако девушка не решилась глотать ледяную воду.

Псы продолжали гавкать, и от этого в ушах звенело, а по затылку словно били стальным прутком. Альга рассеянно потерла лоб, прислушиваясь к мужскому разговору, но из-за лая собак не смогла разобрать слов. Кто-то рассмеялся, раздались шаги, и в замке заскрежетал ключ. Ходящая метнулась назад.

Вошел Хрип.

– Проснулась? Хорошо. Идем со мной. – Заметив, что она колеблется, старик сказал более сурово: – Иди. Не заставляй тебя связывать и тащить из сарая.

Ходящая молча прошла мимо него, сдержав сильное желание ударить кулаком в морщинистое лицо. Знала, что это бесполезно. Уже пробовала. Он тогда только чудом не сломал ей руку.

Солнце едва успело подняться над могучими елями и почти сразу же скрылось в низких облаках, отчего утренний свет казался серым и неприятным.

Жесткая ладонь толкнула Альгу в спину:

– Не спи.

На пороге дома стоял вихрастый Топор в куртке нараспашку и холодно следил за ее приближением. Его щеки начали обрастать щетиной, сквозь которую были видны многочисленные царапины, словно на наемника напала стая озверевших кошек. На самом деле кошка была одна, и напала она в тот момент, когда Топор считал, что пленница спит. Альга прыгнула ему на спину, вцепилась ногтями в лицо, а когда он отдирает ее от себя, смогла укусить за ухо.

Тут уж, не церемонясь, он ударил девушку так, что у нее чуть дух не вышибло. И все равно, даже оказавшись на полу, она пыталась лечь. Хрип хохотал на табурете, не спеша помогать товарищу, а тот, выругавшись, схватил ведро и окатил Альгу ледяной водой.

Вновь залаяли собаки, и Ходящая очнулась от воспоминаний. Топор рыкнул на псов не хуже матерого волкодава и пошел к конюшне.

В доме оказалось ошеломляюще тепло и так уютно, что Альге тяжело было сдержать облегченный вдох. На лавках возились дети – девочка и мальчик, но, как только появилась Ходящая, они по приказу матери, неопрятной и немолодой уже женщины в чепце, ушли в другую комнату. Хозяйка дома задернула цветастую занавеску, служившую здесь заменой двери, и указала «гостю» на лавку:

– Сядь.

Хрип заметил взгляд пленницы, отеснил ее плечом и убрал со стола нож, зло посмотрев на женщину. Та, опустив взгляд, засуетилась возле печи. Старик, видя, что пленница не торопится, схватил Ходящую за шкуру и толкнул на лавку:

– Сейчас дадут есть.

Хрип усмехнулся, подхватил трехногий табурет и поставил его возле двери так, чтобы видеть всю кухню.

В животе предательски заурчало. Альга поморщилась, быстро стрельнула глазами направо, где за занавеской скрывалась комната.

– Не советую, – тут же сказал старик. – Выход здесь лишь один. Только детей напугаешь.

В сенях скрипнула дверь. Было слышно, как обстукивают от снега сапоги, и спустя минку появился Топор, обменялся взглядом с Хрипом, едва заметно кивнул.

– Точно? – спросил старик.

Вновь кивок.

– Хорошо. Я пригляжу.

Вихрастый наемник прошел в комнату, и голоса детей стихли. Женщина взяла ухватом горшок, поставила на стол рядом с девушкой. Достала тарелку, отломил хлеба:

– Ешь.

Альга, стараясь не торопиться и делая вид, что еда ей неинтересна, принялась за вкусную похлебку из овощей и мяса. С каждой новой ложкой Ходящая чувствовала, как возвращаются силы.

С момента пленения прошла почти неделя, во время которой начался новый, совершенно безрадостный для нее год. Она прекрасно помнила каждую минку после того, как ее предал Райл.

Некромант вновь спрашивал о Целителе, однако она не ответила. Не могла ответить. Она не знала, о ком идет речь. По приказу Белого ее повели к двери, но Альга стала упираться, и тогда, словно глупую козу, ее связали по рукам и ногам, заткнули рот отвратительной тряпкой, надели на голову мешок, воняющий мышиным пометом, а затем вынесли во двор и бросили на что-то жесткое. Ходящая сильно ударилась головой, на какое-то время потеряла сознание, а когда очнулась, поняла, что ее куда-то везут.

Она начала извиваться и тут же получила безболезненный, но весьма обидный пинок.

– Не торопись, – вернул ее из неприятных воспоминаний Хрип и, глядя, как быстро она орудует ложкой, добавил: – Никто не собирается отнимать у тебя еду. Ешь спокойно.

Все дни этого долгого путешествия она пыталась сопротивляться. Дралась, кусалась, царапалась, пиналась. За каждую выходку ее наказывали. Эту обязанность взял на себя Топор. Он редко снисходил до того, чтобы бить пленницу, а если и давал волю рукам, то обычно после его ударов не оставалось даже синяков. В основном это были обидные, а от этого становившиеся еще более унижительными затрещины. Чаще всего ее лишали еды или сна, или, как случилось в эту ночь, запирали в холодном сарае.

– Клара, заканчивай, – негромко сказал Хрип, и женщина в чепце вздрогнула:

– Пора?

– Да. Забирай детей и отправляйся в город. К тетке. – Старик не смотрел на хозяйку. – Сегодня не возвращайся. Завтра... завтра тоже не приходи. Собирайся.

Женщина поставила перед пленницей кружку с горячим настоем зверобоя и ушла в комнату. Раздался тихий плач девочки: она не хотела уезжать.

– Хочешь узнать, что происходит? – улыбнулся в жидкую бороду Хрип, заметив взгляд Ходящей. – Приезжает господин Дави. Им не стоит с ним встречаться.

Господин Дави... Проклятый колдун. Тварь,двигающаяся быстрее мысли и способная становиться почти невидимой. Альга не видела его с того самого вечера, когда Огоньку вскрыли горло от уха до уха.

Сдисец исчез, словно пленница перестала его интересовать, оставив ее на попечение Хрипа и Топора. Альге приходилось лишь гадать, где он был и что делал.

Женщина вместе с детьми вышла на кухню, на ходу дрожащими пальцами застегивая пуговицы. Девочка, плача, терла кулачками красные глаза, мальчик насупился и был мрачен. Они попрощались с Хрипом. Клара, не выдержав, тоже начала лить слезы, осенила мужчину знаком Мелота и поспешно вышла.

– Это стоит того, чтобы связываться с Тьмой? – спросила Альга.

– Не твоего ума дело, Ходящая.

– Просто не удивляйся, когда колдун сожрет тебя.

– Вы все сожрете, дай вам волю. И белые, и темные. Только думаете, что разные, а в душе – одинаковые. Гнилье гнильем, – говорил старик без всякой злобы. – Такие же, как и мы все.

– Говори лишь за себя.

– Твой язык меня не укусит, крошка. Я сегодня добр. Поэтому подарю тебе один совет: забудь о своем упрямстве и ответь на вопросы господина Дави.

– Чтобы ты убил меня, как Райла?

Хрип тонко улыбнулся и ничего не ответил.

Альга уткнулась носом в кружку. Без «искры» девушка чувствовала себя совершенно беспомощной, словно ей отрубили обе руки. Иначе Ходящей было бы чем ответить и убийцам, и некроманту.

Кашель заставил ее согнуться над столом. Казалось, что кто-то раздирает легкие острыми когтями. Из глаз потекли слезы, горло саднило.

– Можно мне еще воды? – преодолев гордость, попросила она.

Он молча взял кружку и вновь наполнил настоем. Ученице Галир тут же захотелось выплеснуть кипяток в рожу Хрипа, но тот быстро отступил назад, к табурету, и улыбнулся, словно читая ее мысли.

Делая осторожные глотки, Альга пыталась понять, как далеко ее увезли от Клыка Грома. Судя по всему – далеко. Гор отсюда не было видно. Даже если тело Райла уже обнаружили, все равно слишком поздно. Сколько ни вороши теперь Кандерг, ее не найдут.

Ходящую везли в жесткой карете, останавливаясь лишь поздно ночью в каких-то клоповниках. Отребью, которое в них жило, не было никакого дела до связанной девчонки. Никто из них даже не посмотрел в ее сторону. Меньше знаешь – дольше живешь. Ходящая окунулась в совсем другой, теневой мир, о котором лишь слышала краем уха.

Альга допила напиток, отодвинула кружку.

– Можешь налить еще, – разрешил Хрип.

Девушка только покачала головой и вновь погрузилась в мысли. Ее мозг лихорадочно работал, просчитывал варианты бегства и способы, какими она смогла бы добраться до «искры». Так прошло довольно много времени.

В комнате по соседству стояла тишина: Топор, похоже, лег спать. Старик на табурете закрыл глаза и, казалось, дремал, но девушка уже успела понять, сколь обманчив его вид. Дед двигался быстрее многих молодых и силен был, как настоящий гов. У нее не было шансов проскользнуть мимо убийцы Райла.

Она начала задумчиво водить пальцем по деревянной столешнице... Как можно создать плетение, не имея доступа к «искре»? Без Дара, который ей недоступен, – никак. Замкнутый круг. Альга «рисовала» на крышке стола невидимый узор, добавляя в него новые нити, узелки и стирая старые.

В какой-то момент она уже не могла удерживать в памяти все созданное и встала со скамьи.

– Ты куда? – тут же спросил Хрип, распахнув глаза.

– Хочу взять тарелку.

– Зачем?

– Там мука. Буду рисовать. Или дай мне бумагу и перо.

Он подумал, решил, что в рисунках нет ничего опасного, и сказал:

– Высыпь на стол. Миску поставь на место.

Она сделала так, как ей велели. Старик еще какое-то время следил за тем, как девушка выводит на столе замысловатые узоры, потом пожал плечами и вновь закрыл глаза. Глупая, обреченная на заклание овца ведет себя тихо, а больше ничего и не надо.

Альга мстительно усмехнулась. Ну погоди, старая сволочь! Если у меня только появится малейший шанс – ты сильно пожалеешь, что ввязался в эту историю.

За следующие три нара Ходящая извертелась на жесткой лавке, испробовала три с лишним сотни вариантов одной схемы, но даже те, что казались ей работающими, при внимательном изучении не выдерживали критики. Лучше всего удалось последнее плетение, во всем идеальное, выверенное до последней линии, до распределения каждого из потоков и даже до треугольников стабилизации, способных удержать столь сложный рисунок в целости.

– Эй! Что это ты делаешь? – раздался грубый голос у нее над ухом, и она вздрогнула.

– В чем дело, Топор? – нахмурился Хрип.

– Совсем плохой стал, старый?! – Вихрастый наемник выглядел одновременно заспанным и злым. Он указал на муку. – Это штучки Ходящих! Рисунки плетений!

– Ну и хрен? У нее нет «искры», если ты забыл. Сидит, малюет, никого не трогает. Лучше, если она опять расцарапает твою рожу?

Они говорили так, словно ее не было или она не понимает слов.

– Матен тоже их ни во что не ставил. И где он теперь? В земле.

Сказав это, Топор стер рисунок и отряхнул ставшие белыми руки.

– Больше никаких узоров, Ходящая!

Когда на улице стало темнеть, неожиданно забрежали псы и громко фыркнула лошадь.

Топор бросился к окну, глянул и сказал Хрипу:

– Приехал.

– Встреть.

Парень поспешно вышел.

– Надеюсь, ты набралась ума, – негромко произнес старик. – Времени у тебя не осталось.

Альга почувствовала, как в животе растекается что-то ледяное и неприятное, а сердце, вздрогнув, на уну остановилось. Но она не показала страха.

Господин Дави вошел в комнату, мельком глянул на пленницу, кивком поздоровался с наемником. Двигался он гораздо менее скованно, чем раньше.

– Что так долго? – спросил Хрип, принимая у колдуна шубу.

– Начал волноваться? – усмехнулся тот. – Иди. Прогуляйся вместе с Топором.

- Ужин у печи, – сказал старик, прежде чем уйти.
- Здравствуй, Ходящая, – проговорил некромант, садясь напротив нее.
- Альга ограничилась презрительным взглядом.
- К сожалению, я не смог поговорить с тобой раньше. Охотно верю, что ты не опечалена этим фактом. – Он рассмеялся.
- Я не чувствую твоей «искры», колдун. Как тогда. На дороге.
- Сдисец пожал плечами:
- Я полон сюрпризов. Так ты готова говорить?
- Альга надеялась, что выглядит спокойной и хладнокровной:
- Смотря о чем. Мне не дает покоя вопрос: зачем ты полез в замок? Ведь до этого, на дороге, я была от тебя всего лишь в нескольких ярдах.
- Его холодные глаза потемнели, но господин Дави все-таки ответил:
- Ошибки случаются со всеми. Я не видел твоего Дара. А когда заметил – стало слишком поздно. Ты уже въезжала в Клык Грома. Скажи мне, где Целитель, и мы покончим со всем этим.
- Покончим с чем? С моей жизнью, после того как я стану тебе не нужна? Я не тороплюсь умирать.
- Желание жить свойственно молодости. Поэтому готов предложить вариант, который устроит и тебя, и меня. Ты помогаешь мне, а я тебя отпускаю.
- И я должна поверить Белому? – Альга постаралась вложить в эти слова все свое презрение, всю свою ненависть.
- Тебе придется мне поверить.
- Как это сделал Райл?
- Тебе его жаль?
- Ничуть, – не покривив душой, сказала Альга.
- Мне тоже, – одобрил он. – Помоги мне. Скажи, где оставила Целителя и Проклятую, приведи меня туда, и я тебя отпущу.
- Девушка усмехнулась:
- Мне говорили, что некоторые колдуны Сдиса безумны, но я не думала, что настолько. Целитель и Проклятая? Такое можно встретить лишь в Бездне. Куда тебе и следует отправиться.
- Боюсь, ты окажешься в ней первой, – холодно отчеканил некромант, вставая из-за стола и показывая, что дружеский разговор окончен. – Мое терпение закончилось.
- Я ничего не знаю.
- Глупо, – ответил он. – Очень глупо. Ты скажешь мне все, что я захочу, а затем умрешь.
- Однажды я тебя ранила, колдун. Теперь – убью.
- Он раздраженно дернул плечом, показывая, что пустые слова его не пугают, и кликнул Топора и Хрипа.
- На лавку ее!
- Альга взвизгнула, шарахнулась в сторону, швырнула попавшуюся под руку кружку, промахнулась и оказалась зажата в угол. Топор ловко избежал пинка, заломил пленнице руки и скрутил их ей за спиной. Чтобы привязать извивающуюся девчонку к лавке, потребовалось совсем немного времени.
- Кляп нужен?
- Нет. Пусть орет.
- Альга перестала вырываться, сейчас это было совершенно бесполезно. Связали ее крепко, и девушке оставалось лишь сыпать ругательствами.
- Во дает! – уважительно крикнул Хрип. – Как стелет-то! Прямо не Ходящая, а портовая девка какая-то!
- Что с ней теперь делать? – спросил Топор, нервно облизав языком пересохшие губы.

– Вам – ничего. – Господин Дави взял сумку и обратился к девушке: – Прежде чем мы начнем, у тебя есть несколько минок, чтобы пожалеть о своем решении. Воспользуйся ими мудро, девочка.

Альга могла соврать, могла назвать любое место, желательно расположенное как можно дальше от Катугских гор, но во время разговора с некромантом у нее появилась мысль, как можно покончить со всем этим раз и навсегда.

Плетение, что она нарисовала на столе, было верным. Внутреннее чутье, врожденный Дар и знания, что бесконечно втолковывала ей старая Галир, подтверждали это. Соблюдены все правила, исключены все возможные ошибки. Плетение должно работать, и лишь Дом Боли – преграда на пути к ее «искре».

Но несколько минок назад Альга поняла, как можно миновать эту стену. Сон подсказал ей верное решение. Оно все время лежало на поверхности, однако Ходящая никак не могла его увидеть.

Когда сдиска пронзила девушку копьем – «искра» появилась. Если Дом Боли нельзя обойти, то следует пройти через него. Насквозь. Следовательно, если боль станет слишком сильной...

Альга удивлялась, почему никто раньше не смог до этого додуматься. Почему об этом им не говорили в Школе? Неужели она первая, кому эта идея пришла в голову?! Или никто так и не смог найти верного плетения?

Господин Дави не церемонился. Достав из кармана сумки предмет, больше всего похожий на отполированный до зеркального блеска кубик, к которому крепилась платиновая цепочка, он небрежно швырнул его на солнечное сплетение пленницы и быстрой скороговоркой произнес несколько слов.

Ходящая даже представить не могла, что будет настолько больно. Мир затопило алым, каждую частичку тела пронзило огнем, и девушка закричала. Это длилось всего лишь несколько ун, но ей показалось, что прошли нары острой, жгучей, безжалостной боли.

Она прекратилась так же внезапно, как и началась. Альга хватала ртом воздух, пытаясь вспомнить, как это – дышать. Из глаз ручьями текли слезы. Ходящая поняла, что все закончилось, а она так ничего и не сделала.

Господин Дави склонился над ней и нежно прошептал:

– Целитель. Скажи мне, где он, и боль больше не вернется.

Альга увидела его глаза, остающиеся такими же холодными и неприятными, как прежде, и с удовольствием плюнула ему в лицо. В следующую уну ее вновь накрыло волной боли. Девушка кричала и, цепляясь остатками ускользавшего сознания за созданное плетение, пыталась пробиться через вставший перед ней Дом.

Это длилось, длилось и длилось. Ей казалось, что кости на ногах трещат, выворачиваются из суставов, разрывая связки и мышцы. Ребра взорвались и пробили легкие, сердце перестало качать кровь, и мозг бьется в агонии, более неспособный помочь ей дотянуться до «искры». Затем наступила глубокая, густая, тягучая, звенящая, ласковая, беспросветная тьма. Это было так удивительно, так неожиданно, так приятно, что девушка захотела остаться здесь навсегда.

Но резкие удары по щекам вернули ее в действительность.

– Очнись! – сказал Топор и отвесил пленнице еще одну оплеуху. – Все только начинается. Он в отличие от Хрипа, скужавшего на табурете, наслаждался действием.

Альга, уже не скрываясь, рыдала во весь голос. Было так больно, что она вновь едва не потеряла сознание.

– Скажи мне о Целителе. Почему ты так его защищаешь? Кто он тебе?

Она не могла говорить. Язык не слушался, плетение не помогало, стена оставалась прочной.

– Через несколько наров приедет мой брат. Поверь, все, что ты испытываешь сейчас, покажется тебе легким утренним бризом по сравнению с тем, что он с тобой сделает.

– Да... пошел ты... вместе... со своим ублюдочным... братом! – через рыдания выкрикнула она.

– Смотри какая упрямая! – невольно восхитился Хрип. – Всем предыдущим хватало двух ра...

Остальные его слова пожрала тишина. Альга летела по склону оврага через густые кусты терновника, острые шипы которого рвали ее тело в клочья. Ходящая в немом крике цеплялась за ускользающее плетение и раз за разом пыталась пробиться через Дом Боли.

Главное – не потерять сознания! Иначе все придется начинать заново!

Неожиданно ее рука по локоть провалилась в стену, пальцы ласково лизнуло такое знакомое тепло, и девушка, не давая себе времени, чтобы обрадоваться или удивиться, прыгнула вперед, прямо в благословенное пламя. Преграда с грохотом рухнула, «искра» вспыхнула, и Ходящая, видя, как изумленно расширяются глаза некроманта, нанесла удар.

Оглушительно взревело, господина Дави, пытавшегося отскочить, выбросило на улицу через сорванную крышу, а Топор, по которому пришелся основной удар из-за того, что Альга была вслепую, лишился головы. Тело отшвырнуло к дальней стене, где оно и свалилось грудой опаленных костей, от них занялись пламенем вышитые, не слишком чистые полотенца.

Ходящая, торжествующе завопив и больше не чувствуя боли, рванулась, совершенно забыв, что связана. Пока она подбирала плетение, чтобы избавиться от веревки, произошли две вещи – стена, где горели полотенца, вспыхнула, точно была из соломы, а на полу завожился Хрип. Его лицо было окровавлено, в плече торчала острая щепка, но в остальном он был цел и невредим.

Девушка увидела, как в его руке появился нож. Она разорвала веревку, резко села на лавке и мстительно атаковала отступающего от нее к двери убийцу одним из любимых плетений Роны. Сестра рассказала о нем Альге, когда та едва переступила через третью ступень. Морозный вихрь, искрясь серебром, ударил старика в грудь, осел на полу и стенах, превращая все, чего коснулся, в прозрачный лед.

Ходящая встала, и ее тут же бросило на стол, она едва удержалась на ногах. Земля перед глазами ощутимо качалась. Кашляя от уходящего в небо дыма и умирая от жара пламени, которым уже была объята большая часть дома, она схватила куртку Хрипа, обошла его застывшую ледяную фигуру и выскочила на улицу.

Лаяли псы, зарево пожара освещало двор, и она сразу же заметила пытающегося ползти господина Дави.

– Ну погоди, тварь! – прошептала Альга и поспешила к колдуну.

Сейчас она не чувствовала усталости – ее затопила ненависть. За все. За Радужную долину, за госпожу Галир, за Дага и Миту, за всех Ходящих, что погибли там, за Клык Грома, за Тирру, за предательство Райла, за то, что с ней делали эту неделю.

Некромант услышал, как скрипит снег у него за спиной, повернулся к противнице и ударил плетением. Альга, чувствуя сейчас непередаваемую силу, черпая из «искры» всю возможную мощь, играючи отбила воющий череп и швырнула свой ответ. Но промахнулась с десяти шагов.

Господину Дави удалось невозможное. Он замерцал, стал почти невидимым, ускорился и отпрыгнул на пять ярдов в сторону, однако не удержался на ногах и тяжело рухнул на землю. Затем вновь прыгнул, еще более неловко, чем в предыдущий раз, и серый вихрь, коснувшись его, оторвал ему руку по локоть, а затем, пролетев дальше, развалил сарай на противоположном конце двора.

Альга подошла ближе. Вид ее был страшен: бледное, освещенное заревом пожара лицо с разбитыми губами, растрепанная копна черных волос, шатающаяся походка и горящие ненавистью глаза.

– Мой брат все равно тебя достанет!

Некромант начал меняться, темнеть, его уцелевшая рука скрючилась, стала покрываться чешуей, лицо огрубело, но девушка не стала дожидаться окончательной смены облика. Вспыхнув, словно солнце, она смела колдуна, и вырвавшийся из нее поток света разорвал его тело на части.

Через несколько ун исчерпавшая себя «искра» угасла, и Ходящая поспешно отпустила Дар, опасаясь, что он выжжет ее при дальнейшей нагрузке. Все, что она использовала сейчас, подсказали ей сны. Как оказалось – вещие.

Тяжелым великаном навалилась ужасная боль и усталость. Альга застонала и едва удержалась на ногах. Девушка больше не могла плакать – слезы давно кончились – и теперь хотела лишь упасть и забыться, но понимала, что, если сделает это, – умрет. Ее убьет или холод, или брат Дави, который уже должен быть близко.

Тихонько поскуливая от страшной боли в костях, кашляя каждую минку, Альга побрела прочь.

Глава 9

Вновь шел снег. Он ровным слоем ложился на бойницы, заметая и без того засыпанную стену, которая за зиму обросла сугробами. Снегопады были страшными, и, если бы мы не чистили ворота и двор, нас бы давно накрыло с головой.

Я стоял недалеко от Воющей башни, но она молчала, так как ветра не было, и ночь сразу же стала изумительно тихой. Все давно спали, даже Тиф, вдоволь набултыхавшаяся в бассейне, а я не мог заснуть после того, как мне приснился яблоневый сад и Лаэн. Я так и не свыкся с ее потерей, для этого мне бы потребовалось прожить вечность.

Проворочавшись на лежанке целый нар, я выругался и, одевшись, вышел во двор, а затем забрался на стену. Мороз кусал за нос и уши, я ежился, но идти обратно, в башню, не желал и проторчал здесь тьма знает сколько времени, основательно замерзнув.

Вдруг послышалось хлопанье крыльев, и на стену тяжело приземлился большой черный ворон. Он взъерошил маслянистые перья, нагло и очень недружелюбно посмотрел на меня. Я не стал его гнать. Мне не было до него ровным счетом никакого дела. Хочет сидеть – пускай сидит.

Отвернувшись, я поднял воротник, жалея, что забыл варежки на лежанке, и тут услышал тихий женский смех. Черные перья, подхваченные внезапным порывом ветра, безропотным облаком улетели за стену. Вместо птицы передо мной стояла женщина, и с вороном ее роднил лишь цвет волос – таких же темных, как ночь, что нас окружала.

Несмотря на зиму, на ней было легкое лазоревое платье с открытыми плечами, словно гостью не волновал холод. Я прекрасно помнил портреты Проклятых, которые показывала мне Лаэн, так что без труда опознал ту, что была рядом со мной.

Митифа Данами. Корь. Ученица Проказы.

«Гаситель Дара» находился у меня в заспинных ножнах, и извлечь его было делом техники. От нее не укрылось мое движение, но она, не видя клинка, не придавала значения его существованию. Или сделала вид, что не придавала.

– Я ищу женщину в теле мужчины и вижу по твоим глазам, что ты знаешь, о ком я говорю. Где она?

Я покачал головой:

– Ее здесь нет.

– Твоя ложь видна за лигу. Мне не нужен ни ты, ни твои дружки-приятели. Скажи, где она, и можешь идти хоть на все четыре стороны...

Проклятая осеклась и встревоженно посмотрела на небо. Я тоже заметил, что теперь вместе со снежинками с облаков сыплются багровые искры. Одна из них упала между нами, растопила снег, проросла тонким ростком. Затем то же самое случилось со второй, третьей, десятой. Каждая из них превратилась в багровый мерцающий колос, и Митифа, выплюнув проклятие, отступила. Ее симпатичное лицо перекосило от ярости.

– Думаешь, ты так легко отделаешься от меня?! – прорычала она, вновь превращаясь в ворона.

Но птице было не суждено перелететь через полыхающую преграду.

Пламя обожгло черному ворону перья, отбросило Корь назад, превращая обратно в человека и едва не опрокинув за стену. В воздухе неприятно запахло паленой курицей. Шипя от боли, Проклятая атаковала. Но ее плетение оказалось бессильно.

Я, как полный идиот, стоял, смотрел и глупо улыбался, сам не зная чему. Это разозлило ее еще сильнее. Ученица Проказы превратилась в черного барса, прыгнула на меня и с воем отлетела назад. В злобе, забывшись, ударила по безучастным колосьям пшеницы лапой и с еще

более громким воплем пропала. Спустя несколько мгновений исчезли и колосья, оставив после себя покрытые сажей камни.

Тихо скрипнула дверь в Воющую башню. Задрав голову, я увидел, что в верхних ее окнах мерцают отблески огня.

Приглашение того, кто защитил меня от Кори? Вполне возможно. Я замешкался лишь на уну, прежде чем принять его.

Лестница и стены башни оказались вырезаны из синего, полупрозрачного, гладкого льда, который излучал бледный свет. Но вместе с тем он не был скользким, нога вставала ровно, не ехала, и я легко добрался до верха и вышел на обзорную круговую площадку.

На ворохе сена у стены, укрывшись крыльями, сладко спала Йуола. Ее карты в беспорядке рассыпались по полу, словно листья после свирепого урагана. И почти все они вмерзли в лед.

Возле окна стоял Гаррет. Услышав мои шаги, он поприветствовал меня кивком, словно старого друга, и вновь стал смотреть в ночь.

– Опять сон, – стараясь скрыть злость, сказал я и, обнажив нож, поддел одну из вмерзших карт.

У меня получилось с первого раза, и я придирчиво изучил «Смерть» с лицом Митифы. Затем всмотрелся в карту внимательнее, и изображение изменилось.

Гинора.

Еще уна.

Лаэн.

И опять Митифа.

– Мне не слишком нравятся эти сны.

Вор ухмыльнулся, спрятал руки в карманах куртки и пожал плечами:

– Тебе придется это пережить.

– Ты, как всегда, обнадежил. Кстати, спасибо, что избавил меня от общества Кори.

– Думаю, это ненадолго, – задумчиво отозвался он.

– Очередное пророчество? – прищурился я.

– Вполне возможно, мой друг.

– Зачем я понадобился тебе на этот раз?

– Просто хотел сказать спасибо за то, что присматриваешь за Целителем.

– Пожалуйста. Мне не трудно. Скажи... – Я повертел карту между пальцами. – Та «Дева»... Если бы тогда я нашел ее. Узнал. Что бы изменилось? Лаэн осталась бы жива?

– Теперь мы вряд ли когда-нибудь это узнаем, – прозвучал ответ после недолгой паузы. – Чему ты улыбаешься?

– Почему вор? Мы встречались лишь дважды. В жизни я общался с сотнями людей. Любой бы мог приходить ко мне во сне. Но каждый раз припираешься именно ты.

– Не беспокойся. Рано или поздно я оставлю тебя в покое.

Йуола тихо застонала, не открывая глаз, и перевернулась на другой бок.

– Посмотри. – Гаррет кивнул на улицу.

Я выглянул в окно и, к своему удивлению, увидел, что на склоне горы растет старый каштан с бугристым стволом и высохшими верхними ветвями. Почти все его льдисто-огненные листья опали, и оставшиеся едва слышно звенели.

– Времени почти не осталось, – туманно сказал вор.

– Времени для чего? – не понял я.

– Для всего, – столь же загадочно произнес он и тут же переменял тему: – Я слышал, что ты убил одного из Проклятых.

– Ветер нашептал?

– Что-то в этом роде, – улыбнулся собеседник.

– Он заслуживал смерти. – Ответ прозвучал у меня, как оправдание. – Он убил Лаэн.

– Ерунда. Он этого не делал.

В моем животе лопнул лед.

– Объясни, – хрипло попросил я.

Вместо ответа он подошел к Йуоле и накрыл гадалку своей курткой.

– Лаэн очень заботилась о тебе. В тот день она увела Проклятых за собой, чтобы враги не нашли тебя. Хотя у нее был шанс сбежать. Но им не удалось убить твою жену в бою. Это сделала ее же «искра». Любовь заставляет совершать удивительные вещи... Особенно когда она сильна. – Глаза Гаррета были сделаны словно из ртути, и в них светилось сочувствие. – Она спасла тебя, убийца.

– Убийца... Да. Ты прав. – Я горько усмехнулся. – Я убил ее!

– Нет. Спас, – не согласился он. – Из-за своей любви к тебе она ни в чем не уступала Проклятым в битве.

– Это не помогло ей выжить!

Отблески пламени падали ему на лицо, делая суровым и отстраненным. Гаррет вытащил из сумки книгу Роны, открыл, сдул со страниц пыль. Я не стал спрашивать, как к нему попал дневник Кавалара. Вор на то и вор, чтобы доставать бесценные вещи. Особенно когда тебе все это только снится.

– Ты же читал, – с ноткой укоризны произнес он и открыл книгу. – «Сильнее любви магии нет. Она – источник всего сущего. Перед тем, кто освоит это чувство без остатка, открываются воистину грандиозные перспективы...» Ее любовь спасла тебя, а твоя – ее.

Поймав мой мрачный взгляд, он убрал дневник обратно в сумку:

– Наемный убийца и тип, крадущий все, что плохо лежит, говорят о любви. Воистину наступили темные времена!

– Кто ты? – тихо спросил я.

– И ты ждешь честного ответа от глупого сна?! – изумился Гаррет.

Йуола всхлипнула во сне, и огонь стал медленно гаснуть, заполняя комнату пляшущими, осмелевшими тенями.

– Надежда призрачна, – произнес он очередную загадку. – Но мы еще успеем поговорить. Когда с неба посыплется пепел. Удачи, – пожелал вор.

И я проснулся.

Наступил последний месяц зимы, и скудность нашего рациона теперь приводила в уныние даже самых законченных оптимистов. Мы стали выбираться на охоту, но везло крайне редко – звери ушли с высоты в долины, туда, где у них был хоть какой-то шанс прокормиться.

Лишь летуны могли преодолевать приличные расстояния, выслеживать добычу и приносить еду. Когда погода перестала капризничать, Йанар рискнул и отправился к поселениям, находящимся от нас в пятидесяти с лишним лигах. Он вернулся через пять дней, усталый, но довольный. В его сумках мы нашли хлеб, немного муки, вареных яиц, вонючего и очень соленого овечьего сыра, перец, соль и горшок кислого вина.

В этот день отряд устроил себе настоящее пиршество, все радовались еде, точно дети, а Отор не преминул вознести Мелоту кучу молитв.

Казалось, зимовка медленно, но верно подходит к концу, и Рандо с Водером уже начали планировать маршрут. Однако Га-нор, знающий горы гораздо лучше рыцарей, лишь качал головой.

Слишком рано.

Он оказался прав. На следующий день возле вершин стали появляться облака, и к вечеру опять начался снегопад. Да такой, что мы едва успевали чистить двор. Сугробы возле южной стены выросли настолько, что стали переваливаться через нее. Ворота тоже завалило, и мы не стали их расчищать.

Неожиданно теплеть стало через долгие шесть недель, и однажды мы проснулись от грохота – река наконец-то освободилась от ледяного плена.

– Сколько нам еще здесь торчать, лопни твоя жаба? – спросил Лук, когда мы резались с ним в «Блазгов и кочки».

– Не знаю.

Он в ответ лишь что-то промычал.

Тиф продолжала заниматься с Шеном и Роней, и вроде у них все шло успешно. Во всяком случае, орала она теперь гораздо меньше. В один из дней пробудился Гбабак, и Юми, захлебываясь «вот-так-собакой», рассказывал блазгу последние новости.

Лаэн приходила ко мне в снах все чаще и чаще, но, проснувшись, я совершенно не помнил, о чем мы говорили, словно кто-то ловко стирал все воспоминания.

Как-то утром, аккуратно после завтрака, когда я собирался попрактиковаться в стрельбе из лука, ко мне подошла Проклятая:

– Надо перекинуться парой слов.

– Валяй.

– Не здесь. Идем на улицу.

Мы вышли во двор.

– Как насчет того, чтобы помочь мне добыть голову Митифы?

– Ты о стрелах?

– Разумеется. Или у тебя есть еще какие-нибудь скрытые таланты?

– Я обаятельный.

Она фыркнула:

– Не сомневаюсь. Так ты поможешь?

– Да. У меня есть причина желать ее смерти.

– Шен не говорил тебе ничего нового?

Я вздохнул:

– В который раз ты уже спрашиваешь? Нет. Он не знает, как пробудить Лепестки и как вернуть тебя – тоже не в курсе.

– По-моему, ты плохо стараешься его убедить в том, что он должен это вспомнить!

– Да ну?! – разозлился я. – Быть может, это ты плохо его учишь?!

Она разъярилась в одно мгновение, и я почувствовал, как невидимые стальные пальцы сжали мою шею. У меня впервые получилось выбить ее из равновесия.

В следующее мгновение Тиф с видимой неохотой отпустила меня:

– Хватит доводить меня, Нэсс! – тяжело дыша, прошипела она. – Иначе, прежде чем мы оба успеем опомниться, кое-кто окажется без головы! Тебе понятно?!

– Постарайся держать себя в руках, иначе ты сильно рискуешь дружбой Шена.

Она хмыкнула:

– Моему опыту пятьсот лет. И все эти годы я не сидела на месте, а совершенствовалась. Мальчик занимается всего лишь несколько месяцев. Он в самом начале пути, и пройдет еще куча времени, прежде чем сможет достичь уровня Кавалара.

– А что насчет Роны? – Я разминал шею.

– Ходящая – прирожденный боевой маг. Учится гораздо быстрее своего друга. Но ее «искра» никогда не разгорится слишком ярко. Последствия перековки Тальки все-таки сказываются на Даре. Думаю, при хорошем раскладе она достигнет степени Шестого Круга. Но не выше.

Мы расстались, и я направился в Дозорную башню, где застал Отора, читающего книгу Созидания.

– Я пришел с тобой поговорить. Не помешаю? – спросил жрец.

– Нет, – отозвался я.

– Ты когда-нибудь молишься? – поинтересовался он, закрыв страницы.

– Крайне редко. Тебя это, наверное, должно возмущать?

– Меня редко что-то возмущает, – усмехнулся он. – Но ты мог бы мне сказать, почему никогда не обращаешься к Мелоту.

– Как говорите вы, жрецы, Мелот дал нам возможности. Наделил волей, разумом и силой, чтобы принимать самостоятельные решения. Стремиться к лучшему или же, наоборот, к худшему. Мы не глупые куклы в Его руках. Он не ведет нас. Мы сами вольны делать свой выбор. Поэтому я уверен, что бессмысленно беспокоить Мелота по пустякам.

Он внимательно выслушал, задумчиво сцепил узловатые пальцы, нахмурился, оценивая мои слова, и поинтересовался:

– Ты не веришь в Него?

– Отчего же? Верю. Просто не считаю нужным дергать по любому пустяку и просить то корову, то удачи, то здоровья, то мешок соренов.

– Не проси для себя. Попроси для другого.

– Это что-нибудь изменит?

– Многое, мой неверующий друг, – улыбнулся Отор. – Молитва – такое дело, когда надо знать, о чем и для кого ты просишь. Попробуй.

– Здесь? Сейчас?

– А в чем дело? Храм должен быть в голове, а не на земле. Человек, если он праведник, сам себе храм.

– Ну меня праведным точно нельзя назвать! – усмехнулся я.

– Разве не ты только что говорил, что все люди меняются и стремятся или к лучшему, или к худшему? Ну же. Попробуй.

Я раздраженно задрал голову к потолку и громко произнес:

– О Мелот! Если ты меня слышишь, подари радость Порку и Луку – сделай мир чуточку теплее. И перевалы расчистить не забудь. А то мои друзья скоро сойдут здесь с ума. Счастлив? – буркнул я Отору.

– Вполне. – Он продолжал улыбаться. – Осталось только дожидаться, когда у Него найдется время.

– Ну да, ну да, – поддержал я. – Глядишь, к середине весны как раз сподобится.

Мелот сподобился уже на следующий день. Тепло наступило на две недели раньше срока, который предполагал Га-нор.

– Хорошо, что мы уходим, – задумчиво сказала Рона, собирая свои вещи в мешок. – Это была бесконечная зима.

– Не могу не согласиться, – подтвердил я, наблюдая, как Шен пытается свернуть шерстяное одеяло.

– Столько всего надо взять. А теперь, без лошадей, нам придется идти налегке. – Рона хмурилась, выбирая, что следует оставить.

– Именно поэтому позволь тебе помочь.

Я взял из ее рук мешок, вытряхнул содержимое на шкуры и быстро рассортировал вещи в две кучи.

– Так Шену не придется тащить ничего лишнего.

– Я все равно помогу ей, – не согласился Целитель.

– Значит, тебе будет несоизмеримо легче, и ты не сломаешь себе спину на очередном перевале.

Он хмыкнул, развернул одеяло и вновь начал его сворачивать. На мой взгляд, опять неудачно.

– Ты не подумал о том, что это может мне понадобится? – Рона ткнула пальцем в отвергнутое мной барахло.

– Не понадобится, – мягко возразил я. – Поверь мне. Иначе через четверть лиги ты сама начнешь выбрасывать все подряд, не разбираясь, и можешь остаться без действительно нужных вещей. Снега все еще достаточно. Дорога предстоит очень трудная. Это – самое необходимое. То – излишество, которое может стать губительным.

Она послушалась и стала аккуратно складывать отобранное мной обратно в мешок. Я между тем отнял у Шена одеяло и свернул так, как надо. Он недовольно посопел, но решил не спорить.

Я посмотрел на Ходящую:

– Сны все еще беспокоят тебя?

Они быстро переглянулись между собой, и девушка неохотно кивнула:

– Да.

В коридоре раздались тяжелые шаги, в комнату заглянул Лартун:

– Собирайтесь быстрее. Через полнара мы выходим...

Безымянную крепость на Горячей полосе я покидал с легким чувством сожаления. Для всех нас она стала родным домом, дав возможность пережить зиму и самые страшные холода. Даже Воющая башня сейчас не казалась мне угрюмой и недружелюбной.

Мы вышли через северные ворота и, прокладывая тропу в глубоком снегу, направились прочь, начав спуск в ущелье. Когда цитадель скрылась за снежным отрогом, я ощутил внезапную тоску. Очередная моя берлога, уже не помню, какая по счету, брошена, и я больше никогда в нее не вернусь.

В первый день мы прошли удручающе мало. Троп не было, снега лежало столько, что хоть падай, выбившись из сил. Лучше всех приходилось йе-арре и вейе. Первые летели, благо погода позволяла, а второй был настолько легкий, что не проламывал наст.

– Тропа начнется через лигу, – сказал Йанар на следующее утро, вернувшись из разведки. – Идти придется по каменистому гребню, там сильный ветер, и снег надолго не задерживается.

Этот день был ничуть не лучше, чем предыдущий. Мы ползли по ущелью, выбивались из сил, затем вышли на скалистый гребень, протянувшийся над еловой долиной. Узкий, ступенчатый, неровный и скользкий. Снега на нем было действительно не так много, как внизу, но ветер сбивал с ног. Мы шли, согнувшись в три погибели под его порывами, задыхаясь от недостатка воздуха, и проклинали все, что только можно было проклясть. Ночью Тиф пришлось применять Дар и ограждать нас от разыгравшегося вихря, иначе отряд сдуло бы в пропасть.

К утру наступило временное затишье, и мы смогли преодолеть тяжелый перевал, оказавшись на северных отрогах Катугских гор, неожиданно проходимых и не столь снежных. Но через несколько дней пути, словно в отместку за то, что мы их решили покинуть, горы наслали на нас метель.

Разыгравшееся безумие едва не отправило всех в Бездну. Вьюга обернулась в хлещущий ледяной дождь, а затем ударил сокрушительный мороз. Тропы превратились в катки, и это сделало и без того тяжелую дорогу практически невыносимой. Ели и лиственницы сковало льдом, каждая веточка, каждая иголочка звенела на ветру, словно хрустальные колокольчики.

К вечеру мы вышли к старой дозорной башне, на вершине которой поселились орлы. Постройка сломанным зубом торчала на пологом склоне горы, а сразу за ней, пересекая ущелье, бежала река, срываясь в пропасть колоссальным водопадом.

Впервые за неделю нам довелось заночевать в четырех стенах и с крышей над головой, а не под открытым небом.

Утром на нашем пути преградой встал бушующий поток реки. Лезть в такое время года в ледяную воду никто не пожелал, и до обеда мы шли вдоль берега, высматривая брод. Но все оказалось тщетно. Пришлось рубить деревья, чтобы сделать некое подобие моста, и следующие полтора нара пробираться между ветвей, пачкая перчатки в стылой смоле и едва не касаясь ногами пенистой, бурлящей, воды.

Отор все-таки не удержался и упал. На счастье жреца, Га-нор успел схватить его за руку прежде, чем того утянула река. Рона высушила одежду слуги Мелота с помощью «искры», но на следующий день он надсадно кашлял, и Шену пришлось воспользоваться даром Целителя.

Нам оставалось пройти последний перевал.

Справа возвышалась отвесная, покрытая буграми льда стена, уходящая куда-то за облака. Слева темнела пропасть, глубину которой никто из нас не мог оценить – внизу, ярдах в пятидесяти от края тропы, тоже плыли облака. Серая пелена скрывала дно, и можно было лишь гадать, как долго придется падать, если забыть об осторожности.

Из-за высоты, на которую пришлось забраться, мы едва ползли. Голова болела страшно, мы все время задыхались, и приходилось останавливаться каждые десять минок, чтобы набраться сил.

Тропа, неведь как удерживающаяся на склоне, шириной была всего в пару шагов. Камни обледенели и оставляли нам мало шансов в случае ошибки. На ночевку пришлось остановиться прямо на ней. Отор помолился Мелоту, цинично попросив, чтобы во сне никто не свалился вниз. Бог явно услышал молитву, и наутро все оказались целы.

В этот день я плелся в самом хвосте, замыкающим, сразу за поотставшими от отряда Тиа и Шеном, которые негромко беседовали. Когда Целитель начал отчаянно жестикулировать, я подошел ближе и прислушался. Разумеется, они ругались.

– Чего вы опять не поделили? – спросил я.

– Мальчик хочет знаний, силы и могущества, – не оборачиваясь, ответила Тиф и вроде как вытерла рукавицей сопливый нос. – Желание вполне похвальное. Одобряю. Другое дело, что, прежде чем хватать меч, следует хотя бы знать, как он выглядит.

– Я всего лишь прошу научить меня вызову!

– С кем ты будешь разговаривать, скажи на милость? Вряд ли кто-то из тех, кого ты называешь Проклятыми, согласится тратить время на беседу с тобой.

– Разве общаться можно только с ними?

– К сожалению, да. Связь существует только между нами.

– Почему?

– Потому что.

– Я мог бы общаться с Роной.

– Ты это можешь сделать и так. – Она громко чихнула и с неудовольствием прислушалась к эху.

– Но...

– Шен. Будь добр. Отстань. Я не смогу тебя ничему научить, пока ты не знаешь элементарных азов и каждый раз делаешь вот такие глаза, – Проклятая развела руки в стороны, – если у тебя получается очередная малость. Ты начинаешь нормально работать, только когда тебя прижимают к стенке. Прости, я не в состоянии каждую минку впихивать в тебя все, что знаю. Давай вернемся к этому разговору в конце года.

– Ты намереваешься прожить столь долго? – ядовито поинтересовался он.

– Я рассчитываю жить вечно, – с достоинством ответила Убийца Сориты. – У меня на этот мир грандиозные планы.

– Серая школа? – кисло пробубнил Шен.

– И это тоже.

– Не понимаю я вас, – пожал плечами Целитель. – Вроде вы непохожи на идиотов. Зачем затевать войну? Особенно сейчас! У вас была масса времени и возможностей, чтобы все сделать так, как вы хотите. Почему Проклятые не начали создавать школу там, в Сдисе?

Она вздохнула:

– Мы пытались. Можешь мне поверить. За первые два века перебрали сотни, если не тысячи вариантов. Все оказалось бесполезно. Другая земля. Другой народ. Они лучше учатся тьме, чем свету. И переломить эту особенность не получилось. Сдисцы не могут стать «серыми». Они овладевают лишь каплей света, и та полностью растворяется в море мрака.

– Почему?

– Когда выяснишь, сообщи мне. Я буду рада узнать причину.

– Но вы ведь должны были размышлять об этом!

– Толку-то? – буркнула Убийца Сориты. Помолчала и все же неохотно продолжила: – Говорят, что раньше все настоящие маги жили на Западном континенте, и после катастрофы их потомки обосновались в Империи. Люди с природной «искрой», так называемые самородки, встречаются только здесь. Они – лучшие ученики. К тому же ни одного Целителя или Целительницы не рождалось в других странах.

– А набаторцы?

– Бездарности. Никто из них не смог переступить начальную ступень. То же самое касается Сина и Золотой Марки. Урс темен, как и Сдис. Гроганцы к магии полностью нейтральны. А морассцы очень похожи на имперцев, но они слишком уж далеко.

– Но зачем война?

Она впервые с начала разговора оглянулась на нас:

– Ты что, Шен? И вправду блаженный? Затем, что иначе эти тупые Ходящие нас бы сюда никогда не пустили. За пятьсот лет со времен Темного мятежа ни одна из Матерей не прислала нам приглашения в гости.

– Я бы удивился, если бы было иначе, – сказал я.

– Виновата Сорита. Она изменила...

– Не надо клепать с больной головы на здоровую! – перебил ее Шен. – Вы все хороши. Здесь она не стала спорить, лишь раздраженно дернула плечом.

– Людей с земель Империи можно было похищать. Обошлись бы небольшими жертвами. Это лучше, чем такая война.

– Какой злой мальчик! – сказала пропасти Проклятая. – Мы делали то, что ты говоришь. Все оказалось бесполезно. Из наших рук выходили только темные.

– Но ты только что сказала, что жители нашей страны...

– Помню. Не идиотка. Проказа была права, когда лет триста назад сказала, что мы слишком увлеклись темным, забыв о свете. Мы потеряли равновесие, ту едва видимую грань, что заставляет обе чаши весов находиться на одном уровне. Соответственно, стали неспособны создать то, что нужно.

– На что же вы тогда надеетесь сейчас?

– На «самородков». Мы рассчитывали найти двух-трех, научить их азам. Той и другой магии. Посмотреть, что выйдет. Возможно, те, кто впоследствии будут учиться у них, станут идеальным материалом. Вся надежда на второе поколение.

– Вам бы кур разводить или лошадей с таким подходом, – рассмеялся я.

– Люди ничуть не лучше кур или лошадей, – серьезно ответила Проклятая. – У меня даже есть доказательство – Гинора отлично справилась с тем, что у нас не получилось. Твоя жена, Нэсс, была тем самым первым поколением.

– Вам не удалось заполучить Ласку.

– Зато мне досталось второе поколение в виде некоего Целителя. И третье – в виде юной Ходящей, которую этот Целитель решил обучать. И оба со смешанной «искрой» без всяких

перегибов. Гинора – умница. Чем больше я узнаю о ней, тем сильнее восхищаюсь ее умом, хитростью и прозорливостью. Она все-таки достигла того, о чем так долго мечтала. Посеяла семена, и теперь я пожинаю колосья, из которых при должной удаче вырастет целое поле.

– Как Холере удалось разорвать круг? Ведь все вы с... червоточинкой.

– Я много думала над этим. С Даром Гиноры, после того как она оказалась в болотах, что-то произошло.

– Отринула тьму? – подал я ей идею, но Тиф лишь пожала плечами.

– Если только это возможно. Что бы там ни случилось, но ей удалось слить в Лаэн обе «искры» именно в тех пропорциях, что требовались. Ей попался отличный «самородок».

– Ни я, ни Рона не будем твоими племенными лошадьми, – сказал Целитель. – Я не собираюсь помогать осуществлять твои грандиозные планы.

– Куда ты денешься, Шен? Сейчас ты молод и глуп. Со временем это пройдет. Думаю, ты уже понимаешь верность моих слов. Ведь ты почувствовал, каково это – быть «серым», а? Я обучаю тебя не только тьме, и в дальнейшем магия сама подскажет, как поступить. Ты тот, на кого возлагаю надежды не только я. Забудь о Проклятых. Об Алени, Лее и Митифе. Забудь обо мне, Роне и Лаэн. Все это сейчас совершенно неважно. Важна только «искра», которую можно возродить. У тебя – первого после Скульптора – появился шанс вернуть то, что все мы утратили во время Великого упадка.

Я хмыкнул.

Тиф – идеалистка?

– Разумеется, ты рассчитываешь встретить эти прекрасные времена в новом теле? – мимоходом поинтересовался Целитель.

– Именно. Ты сможешь помочь мне стать прежней?

– Вероятно, – уклончиво ответил Шен. – Особенно если ты оставишь Рону в покое.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.